XVI

КАРТА САРМАТІИ

(НЫНѢШНЕЙ РОССІИ)

ВО II ВѢКѢ ПО Р. ХР.

по греческому географу Птолемею.

Изслѣдованіе на основаніи картографическаго матеріала

В. БОРИСОВА,

генеральнаго штаба генералъ-маіора.

ВЫПУСКЪ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ КАРТЫ.

(СЪ КАРТОЮ).

Цѣна 75 коп.

КОВНА.

Т-во типогр. М. Соколовскаго и А. Эстрина.

1909.

MZ
Б82-К в.1

ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ

9/336

Проверено-85

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
I б б
Б-82

КАРТА САРМАТІИ

(НЫНѢШНЕЙ РОССІИ)

во II вѣкѣ по Р. Хр.

по греческому географу Птолемею.

Изслѣдованіе на основаніи картографическаго матеріала

В. БОРИСОВА,

генеральнаго штаба генералъ-маіора.

ВЫПУСКЪ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ КАРТЫ.

(СЪ КАРТОЮ).

Центральная В-Морская Библиотека ВМФ СССР
76
4
2537.
226814
Инв. № 16355

КОВНА.
Т-во типогр. М. Соколовскаго и А. Эстрина.
1909.

Библиотекарь

1961

Д 920

Предисловіе.

Современникъ римскаго императора Марка Аврелія (161—180 г.г. по Р. Хр.), египетскій грекъ Клавдій Птолемей, жившій въ Александріи, математикъ и астрономъ, составилъ трактатъ по географіи. Въ этомъ „Изложеніи географіи“ описывается и территорія нынѣшней Россіи, подъ названіемъ Европейской и Азіятской Сарматіи. Венелинъ, въ своихъ „Историко-критическихъ изысканіяхъ“, объясняетъ имя Сарматія или Сауроматія, какъ Ящероглазія, отъ греческаго сауросъ—Ящерица, и омма-глазъ, такъ же, какъ нынѣ мы называемъ монгольскій типъ косоглазыми.

Въ настоящее время въ трудахъ Кулаковскаго, „Карта Европейской Сарматіи по Птолемею“, изданіе 1899 г., и Латышева, приложившаго такую же карту къ „Извѣстіямъ древнихъ писателей греческихъ и римскихъ о Скифіи и Кавказѣ“, 1900 г., мы имѣемъ двѣ попытки построить карту Россіи по Птолемею. Такія же карты, но въ сокращенномъ видѣ, мы находимъ у Брауна, въ „Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній“, изд. 1899 г., у Müllenhoff, „Deutsche Altertumskunde“, изд. 1906 г., и у Müller, „Geographi graeci minores“, изд., 1882 г., въ приложенномъ къ этому сборнику атласѣ, планъ XVI, а равно и въ его изданіи Птолемеевой географіи.

Наша цѣль—раздвинуть рамки попытокъ вышеуказанныхъ изслѣдователей. Для этого мы пользуемся тѣмъ громаднымъ картографическимъ матеріаломъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, какой былъ въ нашемъ распоряженіи по должности оберъ-квартирмейстера Главнаго Управленія генеральнаго штаба. Это обстоятельство позволило намъ подробно ознакомиться съ наименованіями мѣстныхъ предметовъ на картахъ иностранныхъ государствъ и сопоставить ихъ съ названіями, показанными на картахъ Россіи. Все это привело насъ къ нѣкоторымъ выводамъ, освѣщающимъ свѣдѣнія, даваемыя древними греческими и римскими географами Птолемеемъ, Страбономъ, Плиніемъ, Геродотомъ и другими, извѣстными подъ общимъ наименованіемъ „меньшихъ географовъ“, geographi minores.

До нынѣшняго времени еще продолжаютъ считать Птолемея сказочникомъ и указанныя имъ народности „мнимыми“, съ легкой руки Карамзина, въ своей „Исторіи государства Россійскаго“, I, Примѣчанія, стран. 7, сказавшаго, что „обширная Птолемеева Сарматія, изображаемая на всѣхъ картахъ древняго міра, дѣйствительно существовала только, по выраженію ученаго Тунмана (Gesch. der Ost. Völk. 12), въ головѣ сего александрійскаго математика и географа“. Нижеслѣдующій нашъ трудъ покажетъ полную несправедливость Карамзинскаго обобщенія, хотя обоснованнаго на свидѣтельствѣ нѣмецкаго ученаго. Наши ученые, по многимъ причинамъ, еще мало пользуются первоисточни-

ками для своихъ доказательствъ. Яркій примѣръ этого, по важнѣйшему вопросу, являетъ Иловайскій, на стр. 274 своихъ „Разысканій о началѣ Руси“, роксаланъ объясняющій росъ-аланами, и называющій убійцу Эрманрика знатнымъ роксаланиномъ. Въ первоисточникѣ же, въ текстѣ Іордана, стран. 91, этотъ убійца былъ росомонинъ, „rosomonorum gens infida“, съ варьянтами rosomonorum, rosomorum, rosimanorum. Отсюда ясно, что нашъ талантливый изслѣдователь не воспользовался документальнымъ доказательствомъ, ставящимъ его гипотезу о древности руси на твердое основаніе.

Чтобы избѣжать подобныхъ промаховъ, чтобы освободиться отъ нѣмецкаго вліянія, односторонность коего слишкомъ очевидна по трудамъ Мюлленгофа и Брауна, мы неизбѣжно должны были обратиться къ классическимъ первоисточникамъ, которые представляются въ слѣдующей своей хронологической послѣдовательности: Гомеръ въ 940 г. до Р. Хр., Елланикъ въ 460 г. до Р. Хр., Геродотъ въ 444 г. до Р. Хр., Страбонъ въ 19 г. по Р. Хр., Плиній Секундъ въ 76 г., Тацитъ въ 97 г., Птолемей въ 161 г., Амміанъ Марцелинъ въ 379 г., Стефанъ Византійскій въ 476 г., Іорданъ и Прокопій Кесарійскій въ 550 г., Константинъ Багрянородный въ 959 г., и нашъ лѣтописецъ Несторъ въ 1116 г.. Переходя отъ ранняго первоисточника къ болѣе позднему, и отъ поздняго къ раннему, мы старались уяснить показанія Птолемея, пользуясь также фактами историческими, лингвистическими, археологическими и юридическими, прилагая къ нимъ факты картографическіе, т. е. сохранившіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе названія мѣстныхъ предметовъ. Эти картографическіе факты только нынѣ стали общедоступны для изученія, вслѣдствіе большаго развитія картографической техники.

Краеугольнымъ камнемъ для построенія Птолемеевой карты явилось объясненіе народности „амадоки“, которую Кулаковскій объявилъ мнимою. Намъ же, съ помощью Страбона и 10-ти верстовой болгарской карты, удалось найти въ Македоніи Аматово на рѣкѣ Вардарѣ. Отсюда явилось предположеніе о постепенной, съ незапамятныхъ временъ, колонизаціи нашей Скифіи, позднѣйшей Сарматіи, македонскимъ славянскимъ населеніемъ, приходившимъ съ начатками греческой культуры, и переносившимъ къ намъ свои названія мѣстныхъ предметовъ. Этимъ мы объясняемъ замѣченное уже Чертковымъ, Дриновымъ и Иловайскимъ сходство наименованій селеній, рѣкъ въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Мы предвидимъ, что намъ могутъ указать на свидѣтельство Константина Багрянороднаго о наполненіи Балканскаго полуострова славянами только въ VII и VIII вѣкахъ, что и заставило этого императора сказать: „ославянилась и оварварилась вся страна“. Но въ нашемъ изслѣдованіи есть факты, которые убѣждаютъ насъ въ томъ, что населеніе Балканскаго полуострова издавна было славянскимъ, а въ VII и VIII вѣкахъ оно только подняло голову изъ подъ греко-римскаго гнета.

При конструированія карты Россіи II вѣка по Р. Хр. по Птолемеевымъ свѣдѣніямъ мы положили въ основу нашей работы гипсометрическую карту Россіи генеральнаго штаба генералъ-маіора Алексѣя Тилло, изданія 1889 г. (а также 1897 г.), которая является цѣннѣйшимъ

трудомъ, возстановившимъ рельефъ нашей земли въ его истинномъ видѣ, устранивъ сказки о различныхъ горныхъ грядахъ.

Мы не станемъ здѣсь описывать методы, примѣненные Птолемеемъ для построенія своихъ картъ. Все это подробно изложено въ трудахъ, какъ самаго Птолемея, такъ и у Брауна и Кулаковскаго. Здѣсь мы приведемъ лишь общія указанія о содержаніи Птолемеевой географіи. Твореніе Птолемея раздѣляется на восемь книгъ. Первая содержитъ общее теоретическое введеніе. Начавъ съ опредѣленія географіи, Птолемей разъясняетъ вопросы о матеріалѣ и методахъ этой науки, а затѣмъ, подвергнувъ общему обсужденію, для насъ несохранившійся, трудъ своего ближайшаго предшественника (въ 100 г. по Р. Хр.), Марина Тирскаго, предлагаетъ крупныя поправки въ его представленіяхъ о пространствѣ и видѣ земли, и въ заключеніе даетъ два способа проекціи географической карты. Слѣдующія шесть книгъ заключаютъ въ себѣ описаніе земли въ предѣлахъ, въ какихъ она тогда была извѣстна, въ такомъ порядкѣ частей свѣта: Европа во II и III книгахъ; Африка въ IV кн.; Азія въ V, VI и VII кн. Описаніе идетъ по областямъ каждой части свѣта. Въ римской имперіи Птолемей соединяетъ нѣсколько провинцій, а за ея предѣлами ведетъ описаніе по царствамъ или народамъ. Для каждой такой единицы Птолемей даетъ отдѣльную таблицу или карту (пинасъ), для Европы 10, для Африки 4, для Азіи 12. Въ заключительной VIII книгѣ онъ даетъ перечень своего матеріала и, слѣдуя порядку своихъ картъ (пинасъ), перечисляетъ тѣ пункты въ предѣлахъ отдѣльныхъ областей, для которыхъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи астрономическія данныя.

Для нашей задачи мы разсматриваемъ, главнымъ образомъ, въ книгѣ III карту 8-ю Европейской Сарматіи, и въ книгѣ V карту 2-ю Азіятской Сарматіи; обѣ эти карты (пинасъ) и образуютъ территорію нынѣшней Европейской Россіи. Со временъ Птолемея сохранился только текстъ его географіи; чертежи или карты къ его тексту составлены гораздо позднѣе, уже въ XV вѣкѣ, а потому онѣ и не могутъ выражать свѣдѣнія Птолемея.

Нашъ трудъ раздѣленъ на четыре выпуска. Въ I и II выпускахъ разсмотрѣнъ матеріалъ, необходимый для построенія по Птолемею карты Европейской Россіи во II вѣкѣ по Р. Хр., причемъ:

въ I выпускѣ описаны Македонская земля или Амадока, Кіевская и Черниговская стороны, Македонская колонизація въ направленіи отъ Новграда—Волынска на Минскъ и Гродно, Новгородская Ладога и Македонская Лягадина, островъ Скандза, древняя Жомойтская земля, Бавнонская Скифія;

во II выпускѣ—населеніе береговъ Танаиса-Дона, Боспорское царство, Роксоланская земля, страна Герръ, Таврида, Алазонская земля, рѣка Ра-Волга, Поволжье, конецъ Сарматіи и начало Скифіи, Московская область, Рипейскія горы, Мерянская земля, Біармія, Дако-Гетская земля.

Выпускъ III содержитъ составленную нами карту Европейской Россіи во II вѣкѣ по Р. Хр.;

въ выпускѣ IV собраны относящіяся къ составленной картѣ выборки изъ текстовъ древнихъ греческихъ, римскихъ и прочихъ писателей.

Основными руководствами, кромѣ вышеуказанныхъ древнихъ географовъ и лѣтописцевъ, для насъ были труды:

Латышева, Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скифіи и Кавказѣ;

Бруна, Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи;

Самоквасова, Могилы русской земли;

Lelewel, Narody na ziemiach slawianskich, Poznan. 1853;

Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси;

Хвольсона, Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста;

Спрогиса, Географическій словарь древней Жомойтской земли;

Кулаковскаго, Карта Европейской Сарматіи по Птолемею;

Лаппо-Данилевскій, Скифскія древности, съ картою Геродотовой Скифіи въ переводѣ на современную карту, въ IV томѣ Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Император. Рус. Археол. Общ., Спб. 1887.

Брауна, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній;

Müllenhof, Deutsche Altertumskunde;

Антоновича, Археологическія карты Волынской и Кіевской губерній;

Покровскаго, Археологическія карты Виленской и Гродненской губерній;

Забѣлина, Исторія русской жизни.

При изученіи труда Птолемея мы пользовались изданіями *C. F. A. Nobbe*, Claudii Ptolemaei Geographia. Lipsiae. 1898; Boll, Studien über Claudius Ptolemaeus. 1894; *Carol Müller*, Claudii Ptolemaei Geographia, Paris. 1883—1901, томъ I въ двухъ частяхъ, содержитъ Птолемеевы книги I по V, съ подробными примѣчаніями.

При выпускѣ IV будутъ приложены подробный перечень источниковъ, алфавитный указатель названій и дополнительныя примѣчанія.

Помѣщаемый ниже, въ заголовкѣ главы I, рисунокъ съ бюста Децебала, воспроизводится нами изъ Френера, изъ его описанія Траяновой колонны. Этотъ большой мраморный бюстъ найденъ въ 1855 г. въ Римѣ, на мѣстѣ форума Траяна, и въ настоящее время хранится въ С.-Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. О Децебалѣ и его дѣяніяхъ въ древней славяно-русской исторіи мы говоримъ въ выпускѣ II, въ главѣ XII. Здѣсь же укажемъ на возможность видѣть въ Децебалѣ и въ жившихъ на сѣверномъ берегу Дуная дакахъ, давахъ—Даждьбога и даждьбожьихъ внуковъ, также какъ помѣщаемыхъ на южномъ берегу Дуная, напротивъ даковъ, въ нынѣшней Сербіи, „трибаловъ“ можно считать Стрибожьими внуками. Это подтверждается какъ-бы и тѣмъ, что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ „вѣтры, Стрибожьи внуки, дуютъ съ юга на сѣверъ, на Даждьбожьихъ внуковъ, русичей“.

В. Борисовъ.

ДЕЦЕБАЛЪ-ДАЖДЬБОГЪ[1])

„Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука".
Слово о полку Игоревѣ.

Глава I.

Птолемей объ Европейской и Азіятской Сарматіяхъ.

Ниже мы приводимъ тѣ мѣста изъ географіи Птолемея, которыя относятся къ изслѣдуемой нами Сарматіи, въ ея европейской и азіятской частяхъ. Мы пользуемся переводомъ Латышева, дополняя его варьянтами изъ изданія Ноббе или по произношенію изъ Кулаковскаго, Брауна, Мюлленгофа и др.

---

[1]) Froehner, VII; Борисовъ, Древне-русскія военныя повѣстія, вып. I, Спб. 1908, стр. 50.

КНИГА III, ГЛАВА V.

ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТІИ.

(Европы карта 8-я.)

1). Европейская Сарматія ограничивается на сѣверѣ Сарматскимъ океаномъ по Венедскому заливу и частью неизвѣстной земли. Описаніе такое:

2). За устьемъ рѣки Вистулы, которое находится подъ 45° долг.—56° широты, слѣдуетъ:

Устье рѣки Хрона подъ 50°--56°,
Устье рѣки Рувона (Рудонъ, Бубонъ, Рубонъ, Судонъ) подъ 53°-57°,
Устье рѣки Турунта (Таурунтъ) подъ 56° (30')--58°,30',
Устье рѣки Хесина (Херсинъ) подъ 58°,30'—59°,30'.

3). Береговая линія, которая составляетъ конецъ извѣстнаго моря, по параллели, проходящей черезъ Фулу, находится подъ 62°—63°.

4). Предѣлъ же Сарматіи по меридіану, проведенному черезъ истоки рѣки Танаида, находится подъ 64°--63°.

5). Съ запада Сарматія ограничивается рѣкой Вистулой, частью Германіи, лежащей между ея истоками, и Сарматскими горами, и самими горами, о положеніи которыхъ уже сказано.

6). Южную границу составляютъ: язиги метанасты (переселенцы) отъ южнаго предѣла Сарматскихъ горъ до начала горы Карпата, которая находится подъ 46°--48°,30', и сосѣдняя Дакія около той же параллели до устья рѣки Борисѳена, и далѣе береговая линія Понта до рѣки Каркинита.

7). Положеніе этой береговой линіи таково:

Устья рѣки Борисфена 57°,30'—48°,30',
Устье рѣки Ипанида . 58°-- 48°,30',
Роща Екаты мысъ . . 58°,30'—47°,45',
Перешеекъ Ахиллова Бѣга 59°--47°,40'.

8). Западный мысъ Ахиллова Бѣга, который называется Священный (Іеронъ) мысъ . . 57°,50'—47°,30',
Восточный мысъ, называющійсяМисарндой(Нисарисъ) 59°,45'-47°,50',
Кефалонисъ . . . . 59°,45'—47°,50',
Прекрасная гавань . . 59°,30'—47°,45',
Тамирака . . . . 59°,20'—48°,30',
Устье рѣки Каркинита . 59°,40'—48°,30'.

9). За этимъ устьемъ слѣдуетъ перешеекъ, отдѣляющій Херсонисъ Таврическій; береговая его линія у Каркинитскаго залива находится подъ 60°,20'—48°,20', а у озера Вики (Бика) подъ 60°,30' —48°,30'.

10). Восточную границу Сарматіи составляютъ: перешеекъ отъ рѣки Каркинита, озеро Вика, береговая линія Меотійскаго озера до рѣки Танаида, самая рѣка Танаидъ, наконецъ меридіанъ, идущій отъ истоковъ Танаида къ неизвѣстной землѣ до вышесказаннаго предѣла.

11). Эта сторона Сарматіи имѣетъ такое описаніе: за перешейкомъ, находящимся у рѣки Каркинита, слѣдуетъ у Мэотійскаго озера.:

Новая крѣпость . . . . 60°,30'—48°,40',
Устье рѣки Пасіака . . . 60°,20' --48°,50',

12). Городъ Ліанъ (Леіанонъ) . 60° —49°,15',
Устье рѣки Вика (Бика) . . 60°,20'—49°,30',
Городъ Акра . . . . . 60°,30'—49°,40',
Устье рѣки Герра . . . . 61° —49°,50',
Городъ Кримны . . . . 62°,30'—49°,45',
13). Мысъ Агаръ . . . . 63° —49°,40',
Устье рѣки Агара . . . 62°,30'—50°,30',
Роща (Алсосъ), Рыболовля бога. 62°,40'—51°,15',
Устье рѣки Лика . . . . 63° —51°,30',
Городъ Игреи . . . . . 63°,30'—52°,30',
Устье рѣки Порита . . . 64°,30'—53°,
Деревня Карія . . . . . 65° —53°,30',
14). Западн. устье рѣки Танаида. 66°,20'—54°,10',
Восточное устье . . . 67° —54°,30',
Поворотъ рѣки . . . . 72°,30'—56°,
Истоки рѣки . . . . . 64° —58°.

За ними вышесказанный предѣлъ неизвѣстной земли, находящійся подъ 64°—63°.

15). Сарматію пересѣкаютъ и другія горы (кромѣ Сарматскихъ), между которыми называются:

Певка (Тейки) гора . . . 51° —51°,
Амадока горы . . . . . 55° —51°,
Гора Водинъ (Бодинъ, Будинъ). 58° —55°,
Гора Аланъ (Алаунъ) . . . 62°,30'—55°,
Гора Карпатъ, какъ сказано 46° —48°,30',
Венедскія горы . . . . . 47°,30'—55°,
Рипейскія горы, середина коихъ. . 63° —57°,30'.

16). Часть рѣки Борисфена у озера Амадоки лежитъ подъ 53°,30,-50°20', а самый сѣверный истокъ рѣки Борисфена подъ 52°-53°.

17). Изъ рѣкъ, текущихъ ниже Борисфена, рѣка Тира отдѣляетъ части Дакіи и Сарматіи, начиная отъ поворота, находящагося подъ 53°—48°,30', до конца подъ 49°,30'—48°,30'.

18). Рѣка Аксіакъ также протекаетъ черезъ Сарматію немного выше Дакіи до горы Карпата.

19). Заселяютъ Сарматію очень многочисленныя племена: венеды—по всему Венедскому заливу; выше Дакіи—певкины и бастерны; по всему берегу Мэотиды, язиги и роксоланы; далѣе за ними внутрь страны—амаксовіи и скифы-аланы.

20). Менѣе значительныя племена, населяющія Сарматію, слѣдующія, около рѣки Вистулы, ниже венедовъ—гифоны (гитоны), затѣмъ финны: далѣе сулоны (буланы), ниже ихъ—фругундіоны (фрунгундіоны), затѣмъ аварины (обарины) около истоковъ рѣки Вистулы; ниже ихъ омброны, далѣе анартофракты, затѣмъ бургіоны, далѣе арсіиты, сабоки, піенгиты и біессы возлѣ горы Карпата.

21). Восточнѣе вышесказанныхъ племенъ живутъ: ниже венедовъ-галинды (галиданы), судины и ставаны до алановъ; ниже ихъ игилліоны, затѣмъ кистобоки и трансмонтаны (загоры) до Певкинскихъ горъ.

22). Затѣмъ побережье океана у Венедскаго залива занимаютъ вельты, выше ихъ—оссіи, затѣмъ—самые сѣверные карбоны, восточнѣе ихъ—кареоты и салы (ниже этихъ—гелоны, иппоподы и меланхлэны);

ниже ихъ—агафирсы (агатирсы), затѣмъ аорсы и пагириты; ниже ихъ-савары (савры, саубры, сауры) и боруски до Рипейскихъ горъ.

23). Затѣмъ—акибы (абики) и наски, ниже ихъ—вибіоны (ибіоны) и идры; ниже вибіоновъ до алановъ—стурны, а между аланами и амаксовіями— каріоны (карвоны) и саргатіи.

24). У поворота рѣки Танаида—офлоны (оплоны) и танаиты, за ними—осилы до роксоланъ; между амаксовіями и роксоланами—ревканалы (ракаланы) и ексобигиты; затѣмъ между певкинами и бастернами-карпіаны, выше ихъ—гивины, далѣе бодины.

25). Между бастернами и роксоланами живутъ хуны, а ниже соименныхъ горъ амадоки и навары. Возлѣ озера Вики (Бики) живутъ тореккады, а по Ахиллову Бѣгу—тавроскифы; ниже бастерновъ около Дакіи—тагры, а ниже ихъ—тирагеты.

26). Ниже поворота рѣки Танаида расположены:

Александровы алтари подъ . . 63°—57°,
Кесаревы алтари . . . . . 68°—56°,30'.
И между устьями лежитъ городъ Танаидъ 67°—54°,30'.

27). Внутри страны въ рѣчныхъ долинахъ лежатъ города: по рѣкѣ Каркиниту:

Каркина городъ. . .	59°,30'—48°,45',
Торокка	58°,30'—49°,
Пасирида	58°,30'—49°,10',
Еркабъ	58°,30'—49°,15',
Тракана	58°,30'—49°,45',
Наваръ	58°,30'—50°.

28. По рѣкѣ Борисфену:

Азагарій (Азазарій) . .	56° —50°,40',
Амадока	56° —50°,30',
Саръ[1])	56° —50°,15',
Серимъ	57° —50°,
Митрополь (Метрополь) .	56°,30'—49°,30',
Ольвія или Борисфенъ .	57° —49°.

29). Выше рѣки Аксіака:

Ордиссъ	57° —48°,30'.

По рукаву рѣки Борисфена:

Ліинъ городъ . . .	54° —50°,15',
Сарбакъ (Сарвакъ) . .	55° —50°,
Ніоссъ	56° —49°,40'.

30) Выше рѣки Тира около Дакіи:

Карродунъ. . . .	49°,30'—48°,40',
Мэтоній	51° —48°,30',
Клипидава. . . .	52°,30'—48°,40',
Вибантаварій . .	53°,10'—48°,40',
Иракть	53°,30'—48°,40'.

31) Въ устьѣ рѣки Танаида лежитъ островъ Алопекія или Танаидъ подъ 66°,30'—53°,30'.

---

[1]) Уваровъ 28 (Ольвія), указываетъ Саръ, по Птолемею, подъ 54° широты, т. е. какъ бы около Чернигова.

КНИГА V, ГЛАВА VIII.

ПОЛОЖЕНІЕ АЗІЯТСКОЙ САРМАТІИ.

(Азіи карта 2-я).

32). Азіятская Сарматія граничитъ съ сѣвера неизвѣстной землею; съ запада—европейской Сарматіей до истоковъ рѣки Танаида и самой рѣкой Танаидомъ до впаденія его въ Мэотійское озеро, а также восточною частью Мэотійскаго озера, отъ Танаида, до Киммерійскаго Воспора (Боспора); положеніе этой части слѣдующее:

33). За устьемъ рѣки Танаида (здѣсь у Птолемея мы выпускаемъ не относящееся къ нашей задачѣ и начинаемъ съ описанія части Азіятской Сарматіи, непосредственно прилегающей къ Европейской).

34). Сарматію занимаютъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ неизвѣстной землѣ, сарматы-иперборей, ниже ихъ—сарматы-царскіе, (базилики), народъ модоки и сарматы-конеѣды (иппофаги), а еще ниже ихъ—закаты, свардины и асэи; затѣмъ вдоль сѣвернаго поворота рѣки Танаида—многочисленный народъ періербиды, а вдоль южнаго—народъ іаксаматы.

35). Города:

Эксополь	72°—55°,40',
Наваридъ	70°—55°,
Танаидъ	67°—54°,20'.

36). Ниже свардиновъ живутъ хениды, а на востокъ отъ рѣки Ра—фтирофаги (вшеѣды), матиры и страна Островная; затѣмъ подъ іаксаматами—сиракины, а за сиракинами между Мэотійскимъ озеромъ и Иппійскими горами—исиссіи.

КНИГА VIII, ГЛАВА X.

(Европы карта 8-я).

37). Восьмая карта Европы заключаетъ Европейскую Сарматію и Таврическій Херсонисъ. Параллель, проходящая черезъ ея середину, относится къ меридіану какъ 11 къ 20.

38). Ограничивается эта карта съ востока Боспоромъ Киммерійскимъ, Мэотійскимъ озеромъ и рѣкою Танаидомъ противъ Азіятской Сарматіи; съ юга—Понтійскимъ моремъ, частью нижней Мисіи, Дакіей и областью язиговъ-переселенцевъ; съ запада—такъ называемыми Сарматскими горами, Германіей и рѣкой Вистулой, съ сѣвера—Венедскимъ заливомъ Сарматскаго океана и еще неизвѣстною землею.

39). Изъ болѣе извѣстныхъ городовъ Сарматіи Тамирака имѣетъ самый длинный день въ 16 равноденственныхъ часовъ и отстоитъ отъ Александріи къ западу на одну пятнадцатую часть равноденственнаго часа.

Наваръ имѣетъ самый длинный день въ 16 часовъ 15 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ западу на одну восьмую часа.

Ольвія или Борисфенида самый длинный день имѣетъ въ 16 часовъ 5 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ западу на $^1/_5$ часа.

40). Изъ городовъ Таврическаго Херсониса Феодосія имѣетъ са-

мый длинный день въ 15 часовъ 50 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку на 1/5 часа.

Пантикапея самый длинный день имѣетъ въ 15 часовъ 55 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку на 1/4 часа.

ГЛАВА XVIII.

(Азіи карта 2-я).

41). Вторая карта Азіи заключаетъ Сарматію, находящуюся въ Азіи. Параллель, проходящая черезъ ея середину, относится къ меридіану какъ 7 къ 12.

42). Ограничивается эта карта съ востока Скифіей и частью Каспійскаго моря; съ юга—частью Евксинскаго Понта, Колхидой, Иверіей и Албаніей; съ запада—Европейской Сарматіей, Мэотійскимъ озеромъ и Боспоромъ Киммерійскимъ; съ сѣвера—неизвѣстною землею.

43). Изъ извѣстныхъ въ Сарматіи городовъ Ермонасса самый длинный день имѣетъ въ 15 часовъ 50 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку на 1/3 равноденственнаго часа.

Инанфія имѣетъ самый длинный день почти въ 15 часовъ 50 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку почти на половину часа.

Танаидъ самый длинный день имѣетъ въ 17 часовъ 10 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку на 1/26 часа.

Тирамва имѣетъ самый длинный день въ 16 часовъ 12 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ востоку на 1/10 часа.

Наварида самый длинный день имѣетъ въ 17 часовъ 15 минутъ и отстоитъ отъ Александріи на 1/3 часа.

Глава II.

Македонская земля или Амадока.[1])

(амадоки и гевины.)

Исходнымъ пунктомъ нашей работы на Птолемеевской картѣ мы беремъ Ольбію или Ольвію, по словамъ Страбона[2])—огромный рынокъ милетійцевъ, основываясь на томъ соображеніи, что эта древняя греческая колонія на нашихъ берегахъ могла быть опредѣлена Птолемеемъ болѣе точно, чѣмъ иные пункты, лежащіе внутри страны; а во вторыхъ тѣмъ, что нынѣ, благодаря изслѣдованіямъ графа Уварова и Латышева[3]), мѣстоположеніе Ольвіи опредѣлено несомнѣннымъ образомъ. Конечно точность опредѣленій Птолемея надо понимать относительно, принимая во вниманіе тогдашнее состояніе астрономическихъ измѣреній. Такъ, въ наиболѣе извѣданномъ раіонѣ, отъ Герку-

[1])Стефанъ Византійскій, (Латышевъ I. 263) говоритъ: „амадоки—скифское племя, о которомъ упоминаетъ Елланикъ въ сочиненіи „О Скифіи“. Земля ихъ называется Амадокіемъ“.

[2]) Страбонъ, 308.

[3]) Уваровъ. Изслѣд. о древ. южной Россіи (Ольвія); Латышевъ, Ольвія.

лесовыхъ столбовъ до Иссъ, или отъ Гибралтара до Александретты, протяженіе Средиземнаго моря исчислено Птолемеемъ въ 62 градуса, тогда какъ по нынѣшнимъ измѣреніямъ оно равно 42 съ половиною, отсюда ошибка Птолемея почти въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности[1]). Ольвія показана Птолемеемъ подъ 49 гр. с. ш., 57 гр. д., въ дѣйствительности она лежитъ подъ 46°. 41'. 43,88″ с. ш., 49°.48'. 48,62″ в. д, считая въ обоихъ случаяхъ отъ Ферро, т. е. она отнесена Птолемеемъ на 3 градуса сѣвернѣе и почти на 7 градусовъ восточнѣе. „Ольвія или Борисфенида", говоритъ Птолемей, „самый длинный день имѣетъ въ 16 часовъ 5 минутъ и отстоитъ отъ Александріи къ западу на полчаса", на основаніи чего Птолемей и вычислилъ цифры широтъ и долготъ. Слѣдовательно мы въ дальнѣйшихъ своихъ соображеніяхъ не должны забывать объ этой ошибкѣ Птолемея, на 3 гр. къ с. и на 7 гр. къ в., и такъ какъ большая часть пунктовъ вычислена Птолемеемъ не астрономически, а по маршрутамъ путешественниковъ и итинераріямъ римскихъ дорогъ, образецъ чего мы видимъ въ такъ называемыхъ Певтингеровыхъ таблицахъ и въ Itinerarium Alexandri[2]), то есть основаніе, въ извѣстныхъ случаяхъ, исправлять ошибку Птолемея передвиженіемъ пункта какъ по меридіану, такъ и по параллели. Ольвія находилась на мѣстѣ нынѣшняго урочища „Сто могилъ", на правомъ берегу Буга. въ верстѣ отъ села Ильинскаго-Парутина. На картѣ Птолемея, по редакціи Латышева и Кулаковскаго, рѣка Ипанидъ, Бугъ, показана впадающею въ море къ востоку отъ Борисфена, Днѣпра. Это ошибка скорѣе принадлежитъ редакціи, чѣмъ Птолемею. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ того, что Птолемеевскія разстоянія отъ Ольвіи до устья Борисфена и между устьями Борисфена и Ипанида равны дѣйствительнымъ отъ Ольвіи внизъ по Бугу и затѣмъ внизъ по Днѣпру почти до острова Березани, это съ одной стороны; съ другой —отъ устья Буга до устья Днѣпра въ тѣсномъ смыслѣ (около Херсона). Изъ этого видно, что на картѣ Птолемея показаны вѣрно устье Борисфена западнѣе устья Ипанида, и въ редакціонномъ отношеніи слѣдуетъ только показать Ипанидъ, впадающимъ въ Борисфенъ съ запада между Ольвіею и устьемъ Борисфена. Это служитъ доказательствомъ, что нѣкоторыя данныя Птолемея были вполнѣ вѣрны, но недостаточность числа астрономически опредѣленныхъ точекъ не позволяла механически разставить на картѣ предметы въ ихъ дѣйствительномъ соотношеніи[3]).

Двигаясь вверхъ по Птолемеевскому Борисфену, мы встрѣчаемъ города Метрополь, Серимъ, Сарь, Амадока и Азагарій и горы Амадока, а на правомъ, западномъ, притокѣ Борисфена находимъ города Ніоссъ Сарбакъ и Леинъ и озеро Амадока. Здѣсь живутъ народности амадока, гевины и, далѣе къ Пейкинскимъ или Певкинскимъ горамъ, пейки или певки; гдѣ то около Амадокійскихъ горъ живутъ хуны. Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что имя Амадока повторяется и въ городѣ и въ озерѣ и въ горахъ. Это указываетъ на относительное значеніе этого имени, а потому мы, прежде чемъ заняться опредѣленіемъ прочихъ пунктовъ и народностей, займемся амадоками, и увидимъ, что

---

1) Кулаковскій, Сарматія, 12.
2) Латышевъ, II. 311 и Miller, Weltkarte.
3) См. Кулаковскаго, Сарматія 17; Латышевъ I, 173.

выясненіе этого вопроса облегчитъ намъ рѣшеніе и другихъ. Если прикинуть на нынѣшней картѣ разстоянія Птолемея, то положеніе города Амадока опредѣляется между Екатеринославомъ и Верхнеднѣпровскомъ. Въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ мы находимъ правый притокъ Днѣпра Домоткань или Домотокань, здѣсь же Самоткань. Оба эти названія легко обобщаются именемъ Омотокань или Амотока. Въ 1594 г. ѣхавшій къ запорожскимъ казакамъ германскій посолъ Эрихъ Ласота нашелъ Домоткань съ этимъ же названіемъ; инженеръ Сигизмунда III польскаго, Бопланъ называетъ ее Демокантъ, и свидѣтельетвуетъ о богатствѣ страны на Домоткани и Самоткани, а этихъ рѣкъ рыбами, раками[1]).

Къ югу отъ Адріанополя, на рѣкѣ Марицѣ, мы находимъ городъ Демотика или Димотика, или же Димотука. У Страбона[2]), мы находимъ такое указаніе: „нынѣшняя (т. е во времена Страбона, въ I вѣкѣ, половинѣ) Македонія называлась въ прежнія времена Емафіей, Ематіей. Названіе Македоніи она получила отъ одного изъ древнихъ предводителей, Македона, Ематія былъ городъ при морѣ. Македоніей владѣли епироты и иллирійцы, но большую часть ея занимали боттіеи и фракійцы. Боттіеи, какъ говорятъ, родомъ происходили изъ Крита, и пришли сюда подъ предводительствомъ Боттона. Что же касается фракійцевъ, то одни изъ нихъ, піеры, заселяли Піерію и мѣстности около Олимпа, а другіе, пеоны, жили близь рѣки Аксія, вслѣдствіе чего страна ихъ стала называться Амфакситидой. Эдоны же и бисалты населяли прочую часть Македоніи до Стримона. Изъ нихъ бисалты всѣ носили одно это имя, что же касается едонцевъ, то одни изъ нихъ назывались мигдонами, другіе олонами, третьи сифонами, ситонами“.

„Царскою резиденціею у астовъ была Бизія. Нѣкоторые называютъ одрисами всѣхъ тѣхъ, которые обитаютъ надъ берегомъ между Гебромъ и Кипселами съ одной стороны и Одессомъ съ другой, а царями называютъ Амадока, Керсоблепта, Берисада, Сефпа и Котія.“ Самофракa прежде называлась Самомъ.“ Таково показаніе Страбона.

Такимъ образомъ приходитъ на мысль, что Ематій однозначущь съ Амадокой. На болгарской картѣ 10-ти верстоваго масштаба, мы находимъ въ 30 вер. къ с.-з. отъ Салоникъ (Солунъ), около самой рѣки Вардара, озеро Аматово или Арджанъ, и селеніе Аматово; въ 20 вер. къ сѣверу отъ озера лежитъ другое озеро Поленинско, съ городомъ Поленинъ или Дойранъ, здѣсь же Глубощица. Почти въ 30 вер. выше отсюда по Вардару лежитъ группа селеній Гевгелій, Геово, Гявато. Здѣсь же встрѣчаются Хорсово, Гвоздово или Гювезна.

Слѣдовательно Страбоновскимъ именамъ страны Ематій и царя Амадока соотвѣтствуетъ болгарское Аматово. Отсюда легко перейти къ Амадокѣ, а отъ Фракійской Демотики къ нашей Домоткани, и въ нашихъ амадокахъ видѣть переселенцевъ еще до начала I вѣка по Р. Хр. изъ Македоніи и Фракіи на берега Днѣпра. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается изъ картъ Птолемея и болгарской: вышеуказанной по болгарской картѣ группѣ селеній Гевгелій, Геово, Гявато соотвѣтству-

[1]) Эварницкій. Вольности З. 129.

[2]) Страбонъ, 335. Къ сожалѣнію, наиболѣе важной для исторіи Россіи книги VII географіи Страбона не сохранилось въ цѣломъ видѣ, и въ переводѣ Мищенка (см. стран. 333), конецъ VII книги воспроизведенъ по Палатиноватиканскимъ фрагментамъ.

етъ называемая Птолемеемъ народность гевины. а мѣстоположеніе ихъ по нашимъ измѣреніямъ опредѣляется на рѣкѣ Гуйвѣ, притокѣ Тетерева. Дѣйствительно, если прикинемъ по картѣ Латышева отъ Амадокійскихъ горъ до гевиновъ, то получимъ разстояніе въ 2—3 градуса параллели, и сдѣлавъ такой же промѣръ въ 3 градуса параллели по нынѣшней картѣ, въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Домотканской земли, встрѣтимъ рѣку Гуйву. Лежащій къ сѣверу отъ Аматова городъ Поленинъ и озеро Поленинско и Глубощица какъ бы указываютъ намъ на кіевскихъ полянъ съ кіевскою Глубочицею, притокомъ Почайны. Сама рѣка Варъ-даръ указываетъ на Днѣпръ, который, по Іордану[1]), прежде назывался гуннами Варъ, „lingua sua Hunni Var appellant“. Въ 5 вер. отъ фракійской Демотики находимъ Инжеръ; въ нашей лѣтописи подъ 1183 г. говорится: „идущю же ему по Днѣпру, и ста ту, идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ и ту перебродися на ратьную сторону Днѣпра“[2]), гдѣ то около мѣста, „нарѣцаемемь Ерель, его же русь зоветъ Уголъ“, т. е. мы и здѣсь подошли къ рѣкѣ нынѣшней Орели или къ тѣмъ предѣламъ, гдѣ мы опредѣлили Домоткань. Слѣдовательно, какъ во Фракіи около Демотики лежитъ Инжеръ, такъ и у насъ въ древнее время около Домоткани лежалъ Инжирь.

Такое поразительное совпаденіе Аматовы съ Амадокой и Ематеемъ, Поленины и Глубощицы съ полянами и Глубочицей, Гевгелія и Геова съ гевинами и Гуйвой, Демотики и Инжера съ Домотканью и Инжиремъ не можетъ быть случайностью, и несомнѣнно указываетъ на первоначальное населеніе македонянами[3]) и фракійцами нашего Приднѣпровья.

Путешествіе Густава Вейганда, въ 1892 г. и изслѣдованія въ его сочиненіи Vlacho-Meglen[4]), съ приложенной картой окрестностей Аматово въ Македоніи, только еще разъ подтверждаютъ высказанную нами въ Древне-русскихъ военныхъ повѣстіяхъ[5]) гипотезу о переселеніи дако-гетовъ, а также македоновъ въ Скифію. Какъ мы уже говорили, Стефанъ Византійскій, по извлеченіямъ изъ его труда, сдѣланнымъ въ царствованіе императора Юстиніана, сообщаетъ, что „амадоки скифское племя, о которомъ упоминаетъ Елланикъ въ сочиненіи „О Скифіи“. „Земля ихъ называется *Амадокіемъ*“[6]). Отсюда мы можемъ заключить, что греки звали наше нынѣшнее Поросье, къ сѣверу и къ югу, „Амадокій“, или, возможно, „Домотокань“. Ниже мы увидимъ „модоковъ“ и на Волгѣ, около Казани, въ прежнемъ царствѣ волжскихъ болгаръ.

Самое названіе Фракіи, Тракіи, повторяется по Птолемею въ Траканѣ, Тороккѣ и въ народности горекадахъ, къ ю.-в. отъ амадоковъ, и въ которыхъ можно видѣть лѣтописныхъ торковъ. Сличая, какъ мы это сдѣлаемъ ниже, раіонъ Приднѣпровья съ нынѣшнею венгерскою землею или землею древнихъ даковъ, по Слову о полку Игоревѣ,

---

[1]) Іорданъ, 127; Иловайскій. Полемика, 15. Отмѣтимъ въ Схоліяхъ къ Иліадѣ (Латышевъ, I, 252, 301) названы скифы авіи или гавіи, можетъ быть гевины.

[2]) Ипатская, 426

[3]) Къ сѣверу отъ р. Роси, въ 25 вер. отъ Канева, на р. Рудѣ, сохранилось селеніе Македоны

[4]) Стр. XXVII. Вейганда.

[5]) Стран. 44. Тамъ же.

[6]) Латышевъ, I, 253

„даждь—божьихъ внуковъ“, мы увидимъ, что Кіевъ и именно Щековица и Хоревица, и мѣстности къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ него получили переселенцевъ кромѣ того и изъ Дакіи, тогда и образовались названія сѣверянъ, полочанъ и т. д., что объяснено въ нашемъ предыдущемъ трудѣ[1]).

Въ самомъ названіи народностей македонскихъ: по Страбону—піеры и боттіеи, а по болгарской картѣ—піеріи, нельзя не видѣть намека на цѣлый рядъ именъ: Беребиста, Перепетъ, Переславъ, Припять, Барабашъ, Дакпетопоріане, Предавы, Пар-альты, Пар-ольты.

Чтобы закончить вопросъ объ амадокахъ и Домоткани, скажемъ нѣсколько словъ о Самоткани. Мы уже слышали сказанное Страбономъ:[2]) „Самотрака (островъ) прежде называлась Самомъ“. „Многіе говорятъ, что въ Сомотракѣ почитались тѣ же самые боги, что и у кабировъ, но при этомъ не въ состояніи опредѣлить, кто были кабиры, а также кирбанты, корибанты, куреты и идейскіе дактилы.“ „Наконецъ существуетъ мнѣніе, будто корибанты, дѣти Крона, или же Зевса и Калліопы, притомъ отождествляютъ ихъ съ кабирами, говоря, что эти послѣдніе ушли на Самотракію, называвшуюся прежде Мелитою, и что дѣянія ихъ были исполнены таинственности.“ Въ другомъ мѣстѣ Страбонъ, когда говоритъ о дако-гетахъ, то сообщаетъ, что „богъ у гетовъ, прежде какой то пифагорецъ Замолксисъ, а въ наше время Декайней, пророчествовавшій Биребистѣ“, „у боспорцевъ Аханкаръ,“ „какой то гетъ, по имени Замолксій, служилъ рабомъ у Пифагора (жилъ на Самосѣ). Онъ почерпнулъ отъ философа нѣкоторыя свѣдѣнія изъ астрономіи, пополненныя имъ въ Египтѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ блужданій. Воротившись въ отечество (Дако-Гетію), Замолксій пользовался большимъ почетомъ у вельможъ и всѣхъ соотечественниковъ, такъ какъ могъ предсказывать по звѣздамъ.“ Такъ для насъ связывается Самоткань съ Самотракіею, Самотракія съ Замолксіемъ или Самолксіемъ, дако-гетскимъ богомъ, съ рѣкою Самошемъ въ дако-гетскомъ государствѣ, съ Самусевымъ священнымъ шляхомъ около Триполя къ Перепетовымъ курганамъ[3]). Но объ этомъ мы скажемъ подробно, когда будемъ говорить о дако-гетскомъ переселеніи.[4]) Здѣсь мы лишь подчеркиваемъ путь культуры, шедшей со стороны Греціи, съ острова Самотракіи, съ одной стороны ввидѣ переселенцевъ на Приднѣпровье, съ другой—ввидѣ мудрости греческо-египетской, въ долину Мароша. Да и начальный пунктъ нашихъ изысканій, Ольвія именуется колоніею и огромнымъ торговымъ рынкомъ милетійцевъ, напоминаетъ намъ древнее имя Самотракіи, Мелита[5]).

Ольвія называлась также Борисфенъ (Борисфенида), „если проплыть по Борисфену, говоритъ Страбонъ[6]), разстояніе въ 200 стадій, то встрѣтится городъ одного имени съ рѣкою, который впрочемъ называется также и Ольвіею“, „Ольвія или Борисфенъ“, говоритъ Птолемей[7]).

---

[1]) Борисовъ. Древне-рус. воен. пов. I, 43.
[2]) Страбонъ, 343, 469, 483; 299 652, 779.
[3]) См. Древне-рус. воен. пов., I, 58.
[4]) См. ниже, главу XII.
[5]) Страбонъ, 308, 675, указываетъ въ Каріи, гдѣ городъ Милетъ, также городъ Алабанды (Ольбія?).
[6]) Страбонъ, 308.
[7]) Латышевъ, I, 232.

Опредѣливъ положеніе Ольвіи и происхожденіе названія Амадока, мы перейдемъ къ опредѣленію другихъ пунктовъ Приднѣпровья, указанныхъ у Птолемея вѣроятно по картамъ-итинераріямъ купцовъ, ведшихъ торговлю спеціально въ Скифіи.

Поднявшись вверхъ по Борисфену отъ Ольвіи, мы у Птолемея встрѣчаемъ городъ Метрополь. Профессоръ Ф. Брунъ, въ своей крайне интересной статьѣ „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скифіи и смежныхъ съ нею земляхъ“[1]), указываетъ мѣсто Метрополиса или Митрополиса при устьѣ Ингульца, который онъ называетъ, по Геродоту, Пантикапесъ. Мы, соглашаясь съ Бруномъ, признаемъ, что по разстоянію по Птолемею, да по выгодности мѣста, какъ пункта переправы и большаго тракта, наиболѣе соотвѣтствуетъ Митрополю, нынѣшній Херсонъ. Возникаютъ вопросы: не происходитъ ли имя Митрополя отъ имени бога Митры, слѣды мистерій котораго найдены, по свидѣтельству Кумонта[2]), въ низовьяхъ Дуная (ниже мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ); не есть ли Митрополь наше лѣтописное Олешье, про который, подъ 1160 г.[3]), сказано: „посла Ростиславъ изъ Кіева Гюргя Нестеровича и Якуна въ насадехъ на берладники, оже бяхуть Олешье взяли, и постиже ихъ у Дциня, избиша ихъ и полонъ взяша“. Не жилъ ли здѣсь у Дциня во времена царя Беребисты обоготворенный гетами жрецъ Декеней (Декайней, Дисинеумъ, Дисинеусъ, Дисинео, Дициніусъ, Дцентумъ[4]); вспомнимъ, что древній скифскій философъ Анахарзисъ жилъ въ Скифіи, въ Гилеѣ, подлѣ Ахиллесова Бѣга, т. е. почти около Митрополя[5]). Лѣтопись не разъ говоритъ объ Олешьи: подъ 1153 г. „на ту осень же посла отецъ Мстислава противъ мачесѣ... и ходиша до Олешья и не обрѣтше е и воротишася“; подъ 1164 г. „и возвратися опять Гюрята изъ Олешья съ митрополитомъ и съ царевымъ посломъ“; подъ 1213 г. „Божіею же милостію придоша лодья изъ Олешья, и пріѣхаша въ нихъ на Днѣстръ“: подъ 1084 г. „Давидъ зая греки (гречники) во Олешьи, и зая въ нихъ все имѣнье.“[6]) Олешье, по Бруну[7]), совпадаетъ съ упоминаемымъ Эдризи Алеска, и на венеціанскихъ и генуэзскихъ морскихъ картахъ XIV и XV столѣтія „Эллексе, Эрезе, Леллексе, Эрексе, и съ нынѣшнимъ Алешками, напротивъ Херсона. Можно думать что Олешье могло существовать и во времена Птолемея и именно оно носило названіе города Борисфена, но въ показаніяхъ географовъ смѣшивается съ Ольвіею, такъ Мела[8]) говоритъ, что около устья Борисфена существовали два города, Ольвія и Борисфенесъ. Брунъ свидѣтельствуетъ[9]), что „такъ какъ АмміанъМарцелинъ вовсе не упоминаетъ о Гипанисѣ, то легко могло статься, что подъ городомъ Борисфенесомъ, лежавшимъ въ „плавняхъ Днѣпровскихъ,“ онъ также разумѣлъ не Ольвію, а

---

[1]) Брунъ. II, 18.
[2]) Cumont, приложенная у него карта.
[3]) Ипат. 346.
[4]) См. Древне-рус. воен. пов., I, 58. Воскресенская лѣтопись. изд. 1856 г. стр. 240, въ перечнѣ городовъ говоритъ: „по Дунаю, Дрествинъ, Дичинъ, Килія“. Но мы думаемъ, что здѣсь подъ Дцинемъ понимается не Дунайскій Дичинъ, и не Дицина Константина Багрянороднаго (стр. 79), а мѣстность около нынѣшняго Очакова, Тачева.
[5]) Геродотъ, I, 337.
[6]) Ипат. 320. 357, 491, 144.
[7]) Брунъ, I, 78.
[8]) Брунъ, II, 18.
[9]) Брунъ, II, 19.

Митрополисъ. По крайней мѣрѣ Іорнандъ (Іорданъ), Анонимъ Равенскій и географъ Гвидо еще отличаютъ Ольвію отъ Борисфениды, почему и позволено думать, что подъ послѣднимъ городомъ они разумѣли Митрополисъ Птолемея и Стефана Византійскаго.“ Въ Македоніи, на р. Вардарѣ, выше Аматово и Гевгелія, лежитъ городъ Велесъ, около него мы находимъ мѣстность, названную Клепа. Вспомнимъ, что Геродотъ къ сѣверу отъ города Борисфенитовъ или Ольбіополитовъ помѣщаетъ „каллипидовъ“, представляющихъ, по его мнѣнію, еллиновъ-скифовъ[1]). Если мы допустимъ, что эти еллины-скифы, каллипиды, были переселенцы съ рѣки македонскаго Вардара, съ планины Клепы, на нашъ Варъ-Днѣпръ, то основаніе Олешья, Елесія или Велеса становится яснымъ. Велесъ — славянскій богъ, „Скотій богъ“, вѣщій Боянъ, „Велесовъ внуче“, въ Словѣ о полку Игоровѣ, показаніе арабскаго писателя начала X вѣка, Ибнъ-Даста[2]), что славяне—быкопоклонники, все это наводитъ на сближеніе съ божествомъ Митрой, поражающимъ быка, съ названіемъ Митрополисъ.

Прежде, чѣмъ начать наше движеніе отъ Ольвіи и Митрополя—Велеса или Олешья на сѣверъ къ хунамъ и гевинамъ, мы должны выяснить два вопроса: одинъ о Геродотовскихъ ручьѣ и мѣстности Ексампай, и другой объ указываемомъ Птолемеемъ правомъ рукавѣ рѣки Борисфена.

Геродотъ, въ своей книгѣ Мельпомена[3]), говоритъ: „третья рѣка, начинающаяся въ скифской землѣ, Гипанисъ, вытекаетъ также изъ большаго озера, вокругъ котораго находятъ себѣ пастбище дикія бѣлыя лошади, и озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса[4]). По выходѣ изъ этого озера рѣка Гипанисъ на протяженіи пяти дней плаванія мелка и имѣетъ сладкую воду; начиная отъ этого пункта до моря, на протяженіи четырехъ дней плаванія, вода въ Гипанисѣ чрезвычайно горька отъ горькаго ручья, который вливается въ него, источникъ этотъ такъ горекъ, что при всей незначительности своей онъ дѣлаетъ горькимъ Гипанисъ, рѣку, съ которой лишь немногія могутъ сравняться по протяженію. Ручей этотъ протекаетъ на границѣ скифовъ пахарей и алазоновъ. Имя ручья, равно какъ и той мѣстности, откуда онъ вытекаетъ, по скифски *Ексампай*, а по еллински Священные Пути. Тира и Гипанисъ сближаются своими излучинами подлѣ земли алазоновъ; дальше объ рѣки дѣлаютъ новые повороты, и раздѣляющее ихъ пространство становится все шире.“

Стефанъ Византійскій (временъ императора Юстиніана) указываетъ[5]), что „Данувій или Данусій—рѣка Истръ, прежде называвшаяся *Матоемъ*; первое названіе получилъ онъ, когда скифовъ постигла бѣда. Матоя по гречески значитъ „безвредный“, такъ какъ при частыхъ переправахъ черезъ него скифы не терпѣли никакихъ бѣдъ, а Данусій въ переводѣ значитъ какъ-бы „виновникъ неудачи“.

Слѣдовательно, на нашемъ черноморскомъ побережьи мы находимъ рѣки въ такой послѣдовательности: Матоя-Истеръ-Дунай, далѣе Тира-

---

[1]) Геродотъ, I, 311.

[2])Хвольсонъ, 30 и 133, мы допускаемъ, что слово „быкопоклонники“ сказано Ибнъ-Дастомъ вѣрно.

[3]) Геродотъ, I, 326

[4]) См. Латышевъ, II, 172, сказанное Плиніемъ про Ипанидъ.

[5]) Латышевъ, I, 258.

Днѣстръ и затѣмъ Гипанисъ съ ручьемъ Ексампай. На албанскомъ побережьи Адріатическаго моря мы видимъ рѣки въ такой же послѣдовательности—Matja, впадающая въ Дринскій заливъ, потомъ Lum-Rusiolata или Jsmi съ городомъ Тирана, затѣмъ рѣка Skumbi, Scampa, Шкумбія, Kjuks, съ городомъ на ней Эльбасанъ (см. листъ L. 13. Durazzo, Elbasan, карты 1/300000 австрійская). Скампа и Эльбасанъ напоминаютъ Ексампай и Ольбію, Ольвію. Это еще болѣе подчеркнется, если сопоставить вышесказанное Геродотомъ о Священныхъ Путяхъ, съ указаніемъ Страбона[1]) на древнюю Егнаціеву или Егнатіеву дорогу, проходящую какъ разъ по долинѣ Скампы. Страбонъ говоритъ: „изъ Аполлоніи отъ Дюрахія къ востоку въ Македонію идетъ Егнатіева дорога, раздѣленная по милямъ, въ концѣ которыхъ поставлены столбы и тянется она до Кипселъ и рѣки Гебра; всѣхъ миль 553, и если милю считать въ 8 стадій, какъ большинство и дѣлаетъ, то получится 4,280 стадій; если же слѣдовать Полибію, который прибавляетъ къ 8 стадіямъ два плефра, составляющихъ 1/3 стадіи, то придется прибавить еще новыхъ стадій 177, т. е. третью часть того числа миль. Вся эта дорога называется Егнатіевой; первая ея часть, говорятъ, находится при Кандавіи, горѣ Иллиріи, и идетъ черезъ города Люхнидъ и Пилонъ, мѣсто, которое, находясь на этой дорогѣ, отдѣляетъ Иллирію отъ Македоніи; оттуда она направляется мимо Барнунта черезъ Гераклею и область Люнкестовъ и Эордовъ, въ Едессу и Пеллу до Фессалоники". Эта дорога играла роль въ походѣ Юлія Цезаря противъ Помпея, закончившимся Фарсальскимъ сраженіемъ. Память о ней, какъ увидимъ ниже, мы найдемъ и около Новгорода въ названіи „Игначъ крестъ, какъ это ни кажется невѣроятнымъ съ перваго взгляда. Изъ сказаннаго Страбономъ и изъ похода Цезаря ясно, что это былъ большой торговый путь, вначалѣ шедшій по долинѣ Скампы, черезъ Эльбасанъ, на Ляхниду или Охриду, на Гераклею-Монастырь-Битолію, на Едессу или Водену, на Фессалонику или Салоники, Селунь, на Лагадину (Лангазу). Этотъ Македонскій торговый путь, какъ мы ниже убѣдимся, на нашей русской землѣ повторился въ Ексампаѣ или Священныхъ Путяхъ, Ольвіи, Витичевѣ на Днѣпрѣ или, по Константину Багрянородному[2]), Битичевѣ, отъ названія Битолія, затѣмъ въ Бодинахъ или Воденахъ, Шелони и Ладогѣ.

Если мы будемъ основываться на горькости указываемаго Геродотомъ ручья и на направленіи на Витичевъ, то Священные Пути отъ Ольвіи пройдутъ вверхъ по Бугу до р. Синюхи, которую мы считаемъ за Ексампай, черезъ Торговицу. Лоташево и Беребисъ на Звенигородку. Недалеко отъ селенія Беребисъ на Гниломъ Тикичѣ[3]), въ концѣ 1845 г., въ могилѣ, стоящей на полевой межѣ селеній Петриковки и Ромейковки, у лѣса, называемаго Тырандасъ (листъ 32 десяти вер. карты), въ землѣ на глубинѣ 8 аршинъ, нашли дикій округлый камень въ 7 пудовъ, подъ нимъ остатки человѣческихъ костей и достопримѣчательный аѳинскій шлемъ и два наголенника-поножья изъ коринфской мѣди, лошадинныя кости, кусочки желѣзныхъ стрѣлъ, остатки

---

[1]) Страбонъ. 326, 330, 324, 335.

[2]) Константинъ Багр., 75.

[3]) Тикичъ не есть-ли македонскій Тиквешъ планина около Велеса (къ югу) на р. Вардарѣ.

колчана или лука, меча, и небольшая бляшка съ изображеніемъ птицы, раздирающей рыбу, это эмблема Ольвіи. Форма шлема самая древнѣйшая афинская, съ какимъ изображали Минерву Въ Царскомъ Селѣ, въ арсеналѣ, хранится такой же экземпляръ шлема и наголенниковъ, найденый въ Сициліи. Тогда же, близь дороги изъ Бродецкаго въ Петриковку, найденъ человѣкъ въ желѣзныхъ латахъ, у праваго бока вѣроятно мечъ[1]). Отъ Звенигородки путь могъ идти на Витичевъ, гдѣ, по Константину Багр.[2]), русь поджидала 2 или 3 дня, пока подойдутъ съ верху Днѣпра всѣ ладьи.

Выяснивъ Геродотовскіе Ексампай и Священные Пути, попытаемся уразумѣть Птолемеевскій „рукавъ Борисфена“. Въ географіи Птолемея говорится:[3]) въ одномъ мѣстѣ: „часть рѣки Борисфена у озера Амадоки лежитъ подъ 53,30—50,20, а самый сѣверный истокъ рѣки Борисфена подъ 52—53“; въ другомъ мѣстѣ: „по рукаву рѣки Борисфена: Ліинъ городъ, Сарвакъ, Ніоссъ“ (съ указаніемъ долготъ и широтъ). Браунъ, Латышевъ и Кулаковскій, на своихъ картахъ показываютъ одинаково, что изъ озера Амадока выходитъ притокъ Борисфена и на притокѣ города Ліинъ, Сарвакъ и Ніоссъ, разница лишь въ томъ, гдѣ сливаются притокъ Борисфенъ: у Ніосса или Митрополя. Возникаетъ вопросъ: „часть рѣки“ не есть-ли тотъ же „рукавъ рѣки“, какъ это принимаютъ Браунъ, Латышевъ и Кулаковскій, или „часть рѣки“ – это участокъ теченія самого Борисфена, а „рукавъ рѣки“—это его притокъ и изъ озера-ли Амадоки выходитъ этотъ рукавъ?

Сопоставляя различныя соображенія, мы приходимъ къ убѣжденію, что это озеро Амадока это нынѣшнее болото-озеро Ирдынь съ болотистою мѣстностью у Смѣлы; подъ „частью рѣки“ слѣдуетъ понимать участокъ самого Днѣпра около Черкасъ; подъ „рукавомъ рѣки“—Геродотовскій Ексампай, т. е. р. Синюху и р. Бугъ до Ольвіи, причемъ изъ Днѣпра къ сѣверу отъ Черкасъ, черезъ болото-озеро Ирдынь, р. Ирдыновку, черезъ Смѣлу, Гнилой Ташлыкъ, Шполку или Турію и Выську, Гнилой Тикичъ, въ р. Синюху и могъ идти тотъ путь въ Борисфенъ, который показанъ Птолемеемъ какъ рукавъ. То обстоятельство, что здѣсь захвачена часть Буга-Ипанида, не можетъ опровергнуть вышесказаннаго, ибо Птолемей и Ольвію показываетъ стоящею не на Ипанидѣ, а на Борисфенѣ. Видѣть въ болотѣ-озерѣ Ирдынѣ озеро Амадоку побуждаетъ насъ и поразительное сходство съ македонскою мѣстностью, причемъ македонское озеро Аматово имѣетъ другое имя Арджанъ, схожее съ Ирдынь. Находящееся въ раіонѣ македонскаго Аматово селеніе Смолъ напоминаютъ Смѣлу, а Гюмендже—Умань. Ниже мы еще болѣе увидимъ сходство мѣстности по Вардару съ прибрежьемъ нашего Вара-Днѣпра.

Городъ Амадоку мы склонны видѣть въ нынѣшнемъ селеніи Домоткань, въ 160 дворовъ, на 16 вер. выше Верхнеднѣпровска, противъ устья Орели. Слѣдующій городъ Азагаріонъ или Азазаріонъ, по Брауну[4]), на 83,3 стадіи или 14 верстъ отъ Амадоки, вѣроятнѣе всего приходится на устье р. Ворсклы, на Переволочну, гдѣ въ 1709 г.

---

[1]) См Древне-рус. воен. пов., I, 56.
[2]) Стр. 75. Константина.
[3]) Латышевъ, I, 230 и 232.
[4]) Браунъ, 361.

сдалась, послѣ Полтавской битвы, шведская армія, что уже само по себѣ указываетъ на важное положеніе Переволочны; а затѣмъ надо отмѣтить, что на р. Ворсклѣ, на 70 вер. выше устья ея, лежатъ два пункта Сенжары въ 880 дворовъ, и Н. Сенжары въ 990 дворовъ, именемъ схожія съ Азазаріемъ, Азазаромъ.

У Сахарова, въ Сказаніяхъ русскаго народа, стран. 62, указаны звѣзды: Чигирь—это Венера, Сажары—это Медвѣдица.

Указавъ въ Переволочнѣ Азазаръ или Сенжаръ, Сежаръ и лѣтописный Инжирь бродъ, мы отмѣряемъ отъ него разстояніе, въ одинъ градусъ параллели по Птолемею и находимъ горы Амадока около Чигирина, гдѣ, между Чигириномъ и Черкасами, какъ это ясно видно изъ гипсометрической карты генерала Тилло, правобережныя высоты Днѣпра впервые поднимаются до высоты въ 120 саж. надъ уровнемъ моря, а далѣе выше по Днѣпру горы снова понижаются, и только около Кіева, на небольшомъ пространствѣ снова доходятъ до 120 саж. Слѣдовательно показанія торговыхъ людей, плывшихъ по Днѣпру, вполнѣ вѣрны, и мы именно здѣсь должны видѣть Амадокійскія или Домотканскія горы Птолемея, и какъ бы начало днѣпровскихъ пороговъ.

На Ворсклѣ же лежатъ Кобеляки, напоминающія намъ Кобяка, князя половецкаго, пораженнаго въ 1183 г. великимъ кіевскимъ княземъ Святославомъ въ битвѣ около Орели (Ерель, его же русь зоветъ Уголъ), о чемъ поэтично разсказываетъ намъ Слово о полку Игоровѣ: „а поганаго Кобяка изъ Лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли“, „ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до полку Кобякова“. Это достаточно указываетъ на важное военное значеніе раіона между Ворсклой и Орелью для борьбы осѣдлаго населенія съ южными кочевниками.

Такимъ образомъ для насъ очертилась земля амадоковъ: горы мы нашли между Черкасами и Чигириномъ, озеро около Смѣлы, и городъ около Верхнеднѣпровска. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что вся мѣстность отъ р. Роси и Черкасъ къ югу до Николаева въ половинѣ II вѣка по Р. Хр. была занята македонскими славянами, амадоками или домотканами (домахами).

Опредѣливъ Амадокійскія горы между Черкасами и Чигириномъ, мы видимъ, что по Птолемею отсюда Борисфенъ простирается на сѣверо-западъ лишь на 6 градусовъ параллели, до того мѣста, гдѣ Птолемей указываетъ его истокъ. Такое протяженіе и направленіе совершенно не удовлетворительны ни для Днѣпра, ни для Десны, а вполнѣ подходятъ лишь для р. Роси, считая ея истоки около Казатина, или для р. Припяти, около Пинска. Слѣдовательно Птолемеевскій Борисфенъ можно назвать Боростень, или Поросье, (напоминая Прастена)[1]). гдѣ въ верховьяхъ мы находимъ Тетіевъ и къ югу отъ него Оратово, на болгарской картѣ находимъ въ верхнемъ теченіи Вардара городъ Тетово и къ с.-в. отъ него Орасе и Ратаи. Это намъ показываетъ, что и сюда проникло македонское населеніе, а сообразуясь съ тѣмъ, что, какъ мы видѣли выше, гевины, жители Гуйвы около Житомира, показаны на Птолемеевской картѣ, и очевидно являются выходцами

[1]) Одного изъ пословъ Игоря. Ипат. 29.

изъ окрестностей македонскаго Аматова, а именно изъ Гевгелія, то нѣтъ причины отказать и жителямъ Тетіева въ древности ихъ мѣстожительства и прихода изъ Македоніи, тѣмъ болѣе Тетіевъ лежитъ на пути отъ амадоковъ къ гевинамъ. Для изученія Поросья сдѣлано до сихъ поръ болѣе, чѣмъ для какой либо другой части Россіи. Укажемъ на труды Хойнацкаго, Ханенко, Антоновича[1]). Но показанія Птолемея подходятъ также и къ р. Припяти, если предположить истоки Борисфена около Пинска. Основываясь на томъ, что ниже будетъ сказано о Пинскѣ, р. Ясельдѣ, Туровѣ, а также на томъ сплавѣ по рѣкамъ, о которомъ говоритъ Константинъ Багр.[2]), изъ Немогарда, Нѣманъ-града или Гродно, изъ Милиниски, Менеска, Минска, изъ Теліуча, Тильзита или Телеца, около Трубчевска на Деснѣ, но отнюдь не изъ Любеча, и Чернигова и Вышеграда къ Кіеву, мы полагаемъ, что Птолемей принимаетъ за начало Борисфена верховья рѣки Припяти, и астрономически опредѣляетъ городъ Пинскъ, какъ въ то время большой торговый пунктъ, въ которомъ надолго приходилось заживаться купцамъ, ожидая возстановленія сообщенія по воднымъ путямъ.

А потому, какъ ни соблазнительно въ Борисфенѣ видѣть Поросье, все же необходимо указать, что по разстояніямъ отъ Пейковъ, отъ озера Амадока, и по общему направленію на Венедскія горы и по разстоянію отъ нихъ, истоки Роси, принимаемые за истоки Борисфена, не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ карты Птолемея. Затѣмъ, едва ли Птолемей могъ считать рѣку Рось за столько значительную и по торговлѣ и по размѣрамъ, чтобы мѣшать ее съ многоводнымъ Днѣпромъ. Совершенно иная получается картина, если мы на картѣ Латышева проведемъ Борисфенъ отъ его истока на озеро Амадоку и оттуда на Амадокійскія горы и Азазаръ. Тогда получается длина Борисфена, вмѣсто 5 градусовъ парал., въ 7 градусовъ парал., и является возможность по Борисфену отъ Черкасъ, гдѣ по нашему Амадокійскія горы, доплыть до Припяти и по ней до ея истока, и Припять является достойнымъ понятія о Днѣпрѣ. Истоки Борисфена становятся, въ этомъ случаѣ, въ полное соотвѣтствіе съ картою Птолемея по отношенію горъ Пейке, которыя мы видимъ въ Почаевскихъ горахъ.

Въ дальнѣйшемъ направленіи какъ бы на сѣверо-западъ (какъ это показано у Латышева и Кулаковскаго), на горы Пейкинскія или Певке, Пейче, хотя это направленіе надо всегда принимать съ осторожностью, ибо народовъ Птолемей не опредѣляетъ астрономически, показанъ народъ „гевины какъ бы между певкинами и бодинами, и Птолемей говоритъ: „затѣмъ между певкинами и бастернами—карпіаны, выше ихъ—гевины (гивины), далѣе бодины". Если мы прикинемъ по Латышеву отъ Амадокскихъ горъ до гевиновъ, то найдемъ это разстояніе въ 2-3 градуса парал. Сдѣлавъ промѣръ въ 3 градуса на нынѣшней картѣ, мы въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Домотканской земли встрѣтимъ рѣку Гуйву, притокъ Тетерева. Изъ труда Антоновича[3]) мы узна-

---

[1]) Хойнацкій. Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси, и опись древностей съ объясненіями и планомъ Восточнаго Поросія. Кіевъ. 1896, а равно труды, Ханенко и Антоновича.

[2]) Константинъ Багр., 74.

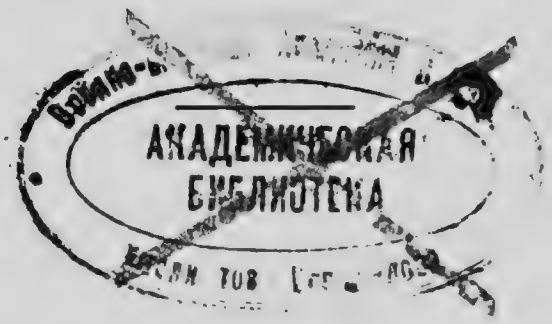
[3]) Антоновичъ. Археологическая карта Волынской губерніи. Москва. 1900.

емъ, что здѣсь въ 1880 г. въ селеніи Гараповка (Гарановка), къ ю.-в, отъ Андрушевки, найденъ горшокъ, заключавшій древнія монеты, въ числѣ которыхъ находились тетрадрахма острова Фазоса и денарій Фавстины Младшей. Бассейнъ Гуйвы, судя по картѣ Антоновича, единственный гдѣ найдены греческія и римскія монеты. Эта находка и сходство имени удостовѣряютъ, что долина Гуйвы—это мѣстожительство Птолемеевыхъ гевиновъ. Къ этому можно прибавить, что по болгарской картѣ, почти въ 30 вер. выше по Вардару, къ сѣверу отъ Аматова, лежитъ группа селеній: городъ Гевгелій, села Геово, Гявато, далѣе къ сѣверо-востоку отъ Солуна въ 20 вер. есть Гвоздово или Гювезна. Все это даетъ намъ поводъ вновь подтвердить, что и гевины или Гуйвины, т. е. окрестности нынѣшняго Житомира, (по Далю, гоить, говѣть, жить), населены были въ половинѣ II вѣка выходцами изъ Македоніи, изъ окрестностей Солуна. Такое поразительное совпаденіе не можетъ быть случайностью.

Такимъ образомъ для насъ опредѣлилась часть маршрута Птолемея съ Домоткани-Амадоки на Гуйву, Гевину или Житомиръ, въ направленіи къ Почаеву, или Пейкѣ. Этотъ раіонъ обрисовался для насъ какъ населенный выходцами изъ Македоніи, переселенцами съ рѣки Вардара на рѣку Варъ, и какъ отъ слова Колбрегъ (нынѣ Кольбергъ) произошло „колбягъ", такъ отъ Вара могъ произойти „варягъ", „аще будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести, идеть на роту" (нов. лѣт. (первая), изд. 1888 г., стр. 466. Правда Русьская). Геродотъ намъ говоритъ, что скифовъ елины называютъ борисфенитами, а самихъ себя ольбіополитами [1]). Отсюда, мы думаемъ, возникли имена варяговъ и ольвичей или уличей, угличей.

Къ вопросу объ амадокахъ, *аматахъ*, мы вернемся ниже, въ главѣ IX, когда будемъ говорить объ *антахъ*, жившихъ, по свидѣтельству Іордана, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, т. е. тамъ же, гдѣ мы опредѣлили мѣстонахожденіе Амадоки.

Центральная В-Морская Библиотека ВМФ СССР
Академическая библиотека



[1]) Геродотъ, I, 312.

ВЫСЕЛЕНІЕ ДАКО-ГЕТОВЪ, ПО БАРЕЛЬЕФУ КОЛОННЫ ТРАЯНА (РИСУНОКЪ ИЗЪ ЛЕЛЕВЕЛЯ).

Глава III.

Кіевская и Черниговская стороны.

(хуны и водины).

На картѣ Птолемея Кіевская сторона обозначена какъ бы словомъ „хуны“, а именно: „между бастернами и роксоланами живутъ хуны, а ниже соименныхъ горъ амадоки и навары“. Если мы обратимъ вниманіе, что до сихъ поръ мы встрѣчали у Птолемея народы: амадоки какъ бы отъ рѣки Амадоки-Домоткани (или Омельника), гевины отъ рѣки Гуйвы[1]), то можемъ допустить хуновъ отъ рѣки нынѣшней Унавы[2]), притока Ирпени, текущаго черезъ Фастовъ, въ окрестностяхъ котораго два древнѣйшихъ кургана Перепетъ и Перепятиха, и верховья котораго выходятъ къ вышеуказанному селенію въ бассейнѣ Гуйвы Гараповкѣ. Все это указываетъ на связь маршрута Унавы съ Гуйвой, или хуновъ съ гевинами, а отсюда на маршрутъ отъ Унавы на устье Десны, къ Кіеву и Чернигову. Что же въ это время могъ представлять Кіевъ? Если мы разсмотримъ карту окрестностей македонскихъ Аматова и Гевгелія. по рѣкѣ Вардару, то мы найдемъ тутъ же названія Хума и Ума (Chuma, Huma), Фустани, Фуштини, Суботско. Въ Фустани не трудно видѣть Фастовъ. Въ Суботско—древнее названіе Кіева, какъ говоритъ Константинъ Багрянородный, „Кіоба, называемый Самбатасъ“[3]). а по венгерски „шомбатъ“ субота. Но наиболѣе поразительнымъ является совпаденіе съ „Хума“. Совершенно посторонній источникъ, Фундуклей, въ своемъ обозрѣніи могилъ[4]), говоритъ: „полагаютъ, что въ 2 вер. отъ сел. Борокъ, на возвышенной площадкѣ, надъ рѣкою Ирпенью, находился нѣкогда городъ Хомъ или Мамаевъ. На этомъ мѣстѣ, при вспахиваніи земли, находятъ множество черепковъ различной посуды, куски мелкихъ желѣзныхъ вещей и мелкія серебряныя монеты“. „При селѣ Демидовой есть замокъ, обведенный квад-

[1]) Лѣтописецъ нашъ говоритъ: „и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ“. Ипат. 3.

[2]) Здѣсь же, на р. Тетеревѣ Ханевъ и Унинъ, выше Иванкова.

[3]) Константинъ Багр, 75.

[4]) Фундуклей, 35 и 36.

ратнымъ валомъ, вышиною въ 3 саж., а въ длину съ каждой стороны по 128 саж. Невдалекѣ находится то мѣсто, гдѣ былъ Хомъ". Очевидно Хомъ одноименень съ македонскимъ Хумомъ. Суха-рупа планина напоминаетъ рѣку Ирпень. Можно отмѣтить Колудей, какъ Кодлубицу около Фастова, Бориславъ, какъ или Переславъ или Бересполь (Каражова или Карачова какъ Карачовъ). Купа на р. Коджа-дере какъ Каплица и Кожуховка, Нате какъ Игнатовка, Моинъ или Можинъ, какъ Мотыжинъ, р. Пороть, какъ Рутка, Руть, Фурка около Поленина, какъ Фурсы около Бѣлой Церкви и Поленичинцы около Фастова. Кромѣ того, около Аматова есть озеро Поленинско и городъ Поленинъ или Дойранъ (Доріянъ), и въ 10 вер. западнѣе сел. Глубощица. Допуская повтореніе этихъ двухъ именъ въ кіевскихъ полянахъ, Поленичинцахъ и Глубочицѣ, мы приходимъ къ выводу, что Кіевъ или Суботско въ то время представлялъ селеніе на Кіевской Глубочицѣ, населенной полениными, выходцами изъ разсматриваемой части Македоніи. Другія части будущаго Кіева, какъ то Щековица, Хоревица, Лыбедь, Берестовое, образовались уже съ приходомъ сюда дунайскаго дако-гетскаго населенія изъ мѣстности, о которой лѣтописецъ[1]) говоритъ: „но се Кій княжаше въ родѣ своемъ и приходившю ему ко царю якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ есть отъ царя, при которомь, приходивъ цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и взлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіи, еже и донынѣ наричють Дунайци (Дуици) городище Кіевецъ". Мы же знаемъ на Дунаѣ Щековицу, Хоревицу и Лыбеть, знаемъ городецъ Кубинъ, Ковинъ или Кевецъ, т. е. Кіевецъ[2]). Самое названіе Кіева должно быть скорѣе отнесено къ дако-гетскому происхожденію, чѣмъ къ македонскому, хотя въ Македоніи и встрѣчается Кіево, но встрѣчается также и въ западной Пруссіи, и въ имени Кія у Страбона, отсюда видно, что имя это древне. О немъ мы снова скажемъ, когда будемъ говорить о населеніи береговъ Балтійскаго моря, и объ айстахъ. Профессоръ Брунъ, въ своей статьѣ „О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время",[3]) перечисляетъ тѣ наименованія, подъ какими встрѣчается Кіевъ въ разные періоды исторіи. Такъ Гедеоновъ отождествляетъ Самватасъ съ именемъ венгерскаго города Сомбатъ. Самъ Брунъ видитъ въ немъ названіе армянское, сына византійскаго императора Льва Армянина (ум. въ 814 г.), Самватеса или Симбатеса, съ армянскаго Сембатъ или Семпадъ. Армянское же имя повторяется и въ названіи крѣпости Кочказъ на Крарійскомъ бродѣ, что есть имя армянскаго князя, современника Константина Багр.

Господствовавшіе въ южной Россіи рейдготы или грутунги, остготы, имѣли главнымъ городомъ Дампстатиръ, т. е. Днѣпровскій городъ, занимавшій, по мнѣнію Дорна[4]), то мѣсто, гдѣ затѣмъ былъ построенъ Кіевъ. Окрестности Кіева входили въ составъ Рейтготаланда, подъ которымъ въ скандинавскихъ сагахъ первоначально разумѣлась страна, обозначенная затѣмъ уже въ нихъ же названіемъ Гарларіеки (или царство града, т. е. Голмгардъ, Новгородъ), замѣняемымъ нако-

---

[1]) Лаврен., 9.
[2]) См. ниже главу XII.
[3]) Брунъ II. 286.
[4]) Дорнъ. Каспій.

нецъ иногда названіемъ Кильфингаланда, земли кильфинговъ, явно тождественныхъ съ келябами арабовъ, съ кульнингами византійцевъ и съ нашими колбягами. Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ однимъ изъ главныхъ украшеній Греціи, сказавши предварительно, что онъ былъ главнымъ городомъ Остроградa въ Руціи (Austrriki, восточное царство). Гельмольдъ говоритъ, что названіе восточнаго царства дано Россіи датчанами, а Адамъ Бременскій приписываетъ это варварамъ. Оба указываютъ, что Острогардъ также назывался Хуни-Куни-Хунъ-гардъ, потому что первоначально тамъ обитали гунны. Титмаръ (ум. 1018 г.) говоритъ, что въ Кіевѣ 400 церквей. Исландскій аббатъ Николай говоритъ, что подлѣ европейской Скифіи (Suethia magna), гдѣ нѣкогда царствовалъ Магогъ, лежала „терра Кильвингорумъ“. Изъ географическаго сочиненія Гаука Эрлендсона (ум. 1332) мы узнаемъ, что главными городами Россіи (Ruscia quam nos Gardarikiam appellamus) были: Морами или Муромъ, Ростофа, Суздали, Гольмгардусъ, Сирнесъ или Черниговъ, Гади (или по вар. Гарди), Городецъ въ Мин. губ., Палтескія или Полоцкъ, Кенугардиръ, гдѣ Магогъ сынъ Іафета, сына Ноя впервые обиталъ. Подобнымъ же образомъ неноименованный авторъ рукописи, относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка, первыми обитателями Гардарики считалъ потомковъ не Мадая, но Магога, стало быть народъ, въ которомъ мы имѣемъ право подозрѣвать Бѣлыхъ Угровъ Нестора. Арабы X и XI ст. знали Кііяба, Куіяба, напоминающее наше лѣтописное кыяне. Бату приступилъ къ Кіеву въ 1240 г. и по выраженію Рашидъ Эдина, „въ девять дней взялъ большой русскій городъ, имя котораго Манкеръ-фаанъ, что Березинъ объясняетъ, Мангре-манъ или тюркское Макъ-керманъ, хвалимый городъ. Шерифъ-Эддинъ говоритъ, что въ 1395 г. полководцы Тимура преслѣдовали Тохтамыша до мѣстности при Днѣпрѣ, именуемой Манкирменъ. Контарини говоритъ, что еще въ его время Chio, т. е. Кіевъ, также назывался Магроманъ. Въ отрывкѣ архимандрита Нила Доксопатрія въ 1143 г., въ спискѣ городамъ и землямъ, подчиненнымъ римскому первосвященнику, говорится: „Sclavos, Abaros et Scythas ad Danubium fluvium et Mancariam“, т. е. до окрестностей Кіева. Манъ-керманъ, или „большой“ городъ, этимъ именно названіемъ могъ быть обязанъ тюркамъ, тогда какъ на ихъ именно языкѣ столица Готіи Феодори была названа Мангупъ; находившаяся же въ древней ихъ родинѣ сильная крѣпость еще во врема Ибнъ-Гаукала была извѣстна подъ названіемъ Манъ-кишлакъ. Въ ватиканскихъ граматахъ 1314 и 1340 г. „встрѣчается имя Мажерія, Majeria, въ которомъ, по Бруну, можетъ скрываться татарское названіе Кіева, по Контарини, Магромана.

Мы нарочно привели эти краткія выдержки изъ обстоятельныхъ объясненій Бруна, чтобы во первыхъ показать то значеніе, какое имѣло то мѣсто, на которомъ расположенъ Кіевъ, а во-вторыхъ, чтобы яснѣе стало наше утвержденіе, сейчасъ высказываемое, что въ названіи Majeria или Майерія, Мажерія по нашему скрывается древнее названіе, происходящее отъ македонскаго Маядагъ, или, по Верковичу[1]), горная цѣпь Маяда, у города Маяда, схожаго съ именемъ Аматова и лежащаго среди Гевгелія, Суботска, Аматова и Поленина. Не забудемъ Магерки, какъ

[1]) Верковичъ, 25.

предмѣстье Нѣжина (всего въ 100 вер. отъ Днѣпра и Кіева), а также македонское селеніе Смоль и болото около Нѣжина „Б. Смолежъ".

Кулаковскій[1]) говоритъ, что въ исландскихъ сагахъ сохранились отголоски воспоминаній о Германрихѣ, Эрманрихѣ, и его столицѣ Данпарстадиръ, Данспарстеадъ, т. е. города на Днѣпрѣ:

Тотъ знаменитый лѣсъ, который зовется Темной Дубравой,
Та священная могила, что стоитъ на землѣ Готовъ,
Та знаменитая скала, что высится на Днѣпровскихъ мѣстахъ...

Заслуженный изслѣдователь древне-сѣверной поэзіи, недавно умершій исландецъ Викфуссонъ, считалъ вполнѣ вѣроятнымъ признать нашъ Кіевъ столицей Эрманриха и къ этому именно городу пріурочить упоминанія о Днѣпровскомъ городѣ въ разныхъ исландскихъ сагахъ[2]). Находки куфическихъ монетъ на территоріи Кіева и появленіе его на зарѣ нашей родной исторіи дѣлаютъ вѣроятнымъ непрерывное существованіе его отъ давнихъ временъ Птолемея, говоритъ Кулаковскій[3]). Въ 1846 г., на Печерскѣ, близь жандармскихъ казармъ, найдено было 82 римскія монеты времени отъ Августа до Геты, 30 г. до Р. Х., 211 г. по Р. Хр.; въ 1841 г. на Александровской улицѣ найдены двѣ монеты Фаустины и Коммода, 141—192 г. по Р. Хр.; въ 1876 г. на Оболони въ усадьбѣ Мигурина—кладъ изъ 200 бронзовыхъ римскихъ и колоніальныхъ монетъ III—IV вѣковъ; затѣмъ находки куфическихъ монетъ въ 1706 г. при Мазепѣ и абассидскихъ въ 1851 г. свидѣтельствуютъ говоритъ Кулаковскій, что Кіевъ былъ непрерывно обитаемъ до начала своей уже русской исторіи.

Сахаровъ, въ Сказаніяхъ русскаго народа, стр. 37, указываетъ на слѣдующее значеніе слова „Соботка", какъ назывался Кіевъ. У чеховъ, сербовъ, моравовъ, карпато-руссовъ, булгаровъ и поляковъ, ивановская ночь, или Иванъ Купало, извѣстна подъ именемъ Соботокъ. Самое величественное торжество этого дня совершается въ Силезіи и у чеховъ. Тамъ Ивановскіе огни горятъ на Карпатскихъ горахъ, Судетахъ и Корконошахъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Гулевой народъ опоясывается перевязями изъ цвѣтовъ, на головы надѣваютъ вѣнки изъ травъ, составляютъ хороводы, поютъ пѣсни, старики добываютъ изъ деревъ живой огонь. Послѣ перепрыгиванія чрезъ костры огней, купаются въ росѣ. Поляки поютъ въ пѣснѣ купальской, что это празднество передали имъ матери, литовцо-руссы называютъ Ивановское празднество—праздникомъ росы, и пляска у нихъ называется коркодономъ, а сборы въ лѣсъ на росу—стадомъ. Въ старой Ладогѣ Ивановскіе огни совершаются на горѣ Побѣдищѣ, и добывается царь-огонь, малоруссы знаютъ, что въ эту ночь вѣдьмы слетаются на Чертово-Беремище подъ Кіевомъ, а бѣлоруссы указываютъ на гору Шатрія около Шавель.

Мы не будемъ здѣсь распространяться объ упоминаемыхъ у Прокопія Кесарійскаго уннахъ-савирахъ, у Амміана Марцелина и у Іордана гуннахъ, а равно о Гуніядѣ въ Трансильваніи, и рѣкѣ Уннѣ въ Босніи, объ унеинахъ. Объ этихъ упоминаніяхъ мы скажемъ, когда будемъ говорить о готахъ, тогда для читателя яснѣе представится вся картина

[1]) Кулаковскій, Сарматія, 31.

[2]) По цитатѣ Кулаковскаго, изъ Дашкевича, Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкот. памятникамъ древне сѣв. литературы. Кіев. Унив. Изв. 1886, ноябрь.

[3]) Кулаковскій, Сарматія, 31.

возникновенія различныхъ наименованій народностей въ Россіи. Здѣсь же скажемъ лишь объ Олимпѣ. Сходство въ имени, близость къ Аматову, упоминаемый въ самомъ началѣ нашей лѣтописи въ Кіевѣ Олминъ дворъ на горѣ, „убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, иде же нынѣ Олминъ дворъ, на той могилѣ поставилъ Олма церковь св. Николы“, все это наводитъ на мысль не выразилось ли имя Олимпа въ Ольмѣ, т. е. не назывался ли у македонскихъ славянъ Олимпъ Ольмою, и имя это перешло къ намъ, къ горѣ у Кіева, вмѣстѣ съ македонскими переселенцами. Отмѣтимъ здѣсь, что русь по лѣтописи (Ипат. 33) въ 945 г. при Игорѣ „кляхомся церковью святаго Ильи въ сборнѣй церкви“, мы видимъ и на македонскомъ Олимпѣ церковь св. Иліи. Мы видимъ въ Книгѣ Большаго Чертежа (стр. 20), на Муравской дорогѣ, отъ Перекопи къ Бакчисараю „Царевъ дворъ на рѣкѣ на Альмѣ, и въ томъ дворѣ одна палата, да избы деревянныя, обмазаны глиною, а стоитъ на берегу въ виноградѣ, а отъ Царевыхъ дворовъ до Корсуни верстъ съ 30“.

Отмѣтимъ еще, что въ находящемся около Кіева селеніи Преворовъ можно видѣть Пре-варъ, какъ Пре-славль, какъ городъ, находившійся на р. Варѣ. Древено на болгарской картѣ—это Деревяна около Триполья, Дверенъ лѣтописный, въ 1192 г „и да ему городъ на Рси-Дверенъ“ (Ипат. 453). Македонская Рзова—нашъ Ржищевъ, Черничево—Чернечинъ у Кіева.

Около Аматова мы видѣли планину Бохемію, городъ Боймицу на р. Бохемицѣ, Боемицу, на р. Бохемицѣ есть сел. Баровица, что напоминаетъ Бахмачъ (по Кн. Бол. Чер., 9, 87, къ нему ведетъ Пахнуцкова дорога) на рѣкѣ Борзнѣ, можетъ быть Баровицѣ. Между Бахмачемъ или Бохемичемъ лежитъ Нѣжинъ, въ которомъ можно видѣть Нѣговца; въ Моровскѣ Моріовску планину, Мравинци, Муровца, Мрвинци; въ Мринѣ, Мировци, Мьрзинца; въ р. Удай, въ 20 къ ю.-в. отъ Нѣжина, Удово. Идя такъ вверхъ по Вардару, мы сближаемся съ Благушей планиной, на нашей же картѣ, идя отъ Кіева вверхъ по Деснѣ, мы приближаемся къ р. Бѣлоусу, можетъ быть Бѣлогусу, Благушу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Серъ-Нѣгову, Чернигову, Тсернигога Константина Багр.[1]), и далѣе вверхъ по Деснѣ къ устью р. Малотечки, около Новгорода-Сѣверска, лѣтописнаго Мелтекова, „и оттуда (Новгорода) шедше сташа у Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рахни“ (Ипат. 235), македонскаго Милеткево и далѣе вверхъ по Деснѣ къ Телецу около самаго Трубчевска, въ Телецѣ мы видимъ Телючъ Константина Багр.[2]) „a Nemogarda.....sunt etiam a castro Milinisca, Teliutza, Tzernigoga et Busegrade“, „per flumen Danaprim navigantes ad Bitetzebe castrum sibi tributarium descendunt, coeuntque ad castrum Cioaba, cui cognomen Sambatas“, т. е. изъ Нѣмаграда или Гродна, Минска, Телеца, Чернигова, Вышгорода къ Витичеву, Кіеву, называемому также Самбатъ[3]).

---

[1]) Константинъ Багр., 74.

[2]) Константинъ Багр., 74.

[3]) Что Нѣмоградъ—это Гродно, а не Новгородъ, и Милиниска, не Смоленскъ, а Минскъ, см. интересныя соображенія Э. Ляцкаго, въ его статьѣ „О значеніи литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси“, стран. 340, Труды Вилен. Отдѣленія Москов. предвар. комитета по устр. въ Вильнѣ IX Археол. съѣзда. Вильна 1893. Что касается Теліуча, то это тоже не Любечъ а или Тельши, или Тильзитъ, или же скорѣе Телецъ около Трубчевска, въ ко-

Такъ до Новгорода-Сѣверска, и даже до Трубчевска, мы можемъ считать доказаннымъ распространеніе амадокскаго населенія.

На нашей македонской картѣ мы видимъ городъ Воденъ, съ Воденскими горами[1]); здѣсь же Почепъ, Полгаръ, р. Мягленицу, мѣстность Моглено[2]), Родево, Субоско, Гугово, Дерменли, на нашей картѣ мѣстности Могленѣ соотвѣтствуетъ почти Мглинскій уѣздъ Черниговской губерніи, съ Мглиномъ, Почепомъ, Погаромъ, Рудово, Суботово, Гудовъ, Деремна, и много селеній съ прибавкою Буда, напр. Буда Карецкая, Буда Пануровская и т. д. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ не здѣсь ли искать указанныя Птолемеемъ Бодинскія, Будинскія, Водинскія горы.[3]) Въ текстѣ Птолемея сказано: „гора Водинъ 58 гр. д. — 55 гр. ш.“, „затѣмъ между певкинами и бастернами — карпіаны, выше ихъ—гивины, далѣе болины“. Если мы по картѣ Латышева промѣримъ разстояніе до Водинскихъ горъ отъ горъ Певке, отъ истока Борисфена, и эти же разстоянія возьмемъ на нашей картѣ отъ Почаева, истока Припети, беря около Пинска, то находимъ окрестности Брянска и Мглина; о Мглинѣ мы уже говорили, а Брянскъ, называемый въ лѣтописи (Ипат. 239) Дьбряньскъ, могъ получить свое названіе отъ македонской планины Деброполе, лежащей на границѣ Воденской мѣстности, здѣсь же на Черна-рѣкѣ Дебренъ. По картѣ генерала Тилло, командующіе пункты Бодинскихъ горъ явятся около Мосальска (Масова въ 30 вер. къ с.-в. отъ Битоліи), 145 саж. и около Брянска, 135 саж., но купцы временъ Птолемея подъ Водинскими горами понимали, вѣроятно, преимущественно гористо-лѣсистую полосу, простирающуюся далеко по обѣ стороны линіи Жиздра-Брянскъ, которая и теперь велика, а еще болѣе велика была въ эпоху Нестора: „вятичи“. „брянскіе лѣса“, Илья Муромецъ ѣдетъ черезъ лѣса брынскіе, черезъ грязи смоленскіе, „какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ, во брынскихъ“, вотъ выраженія въ какихъ говорится о Водинскихъ горахъ и лѣсахъ. Они еще болѣе непролазны были, конечно, во времена Птолемея. Самое названіе „вятичи“ „вятины“ схоже съ водинами. Забѣлинъ[4]) бодиновъ видитъ въ мордовскихъ племенахъ, и въ ихъ названіяхъ отъ, утъ, удь, удь-муртъ, мортъ, откуда мордва, и собственно удъ—это собственное народное имя, а муртъ или мортъ означаетъ вообще человѣка. Мы допускаемъ, что „отъ“ или „вотъ“, или водь, водины, принято мордвою отъ болѣе культурныхъ македонскихъ переселенцевъ, называвшихъ себя по мѣсту своей родины, македонской Водены. Это могло быть также, какъ не разъ утверждаетъ нашъ лѣтописецъ (Ипат. II, 16): „и отъ тѣхъ варягъ прозвася руская земля“, „отъ варягъ бо прозвашася русью, а перьѣе бѣша словене“. Вудины, по Забѣлину, жили отъ р. Сожи до Волги. Слѣдовательно, въ общемъ нашъ выводъ, полученный инымъ путемъ, не разнится отъ вывода Забѣлина, но мы разнимся въ объясненіи происхожденія имени народности. Если принять наше толкованіе, то слѣ-

---

торомъ мы видимъ поселеніе изъ Дунайскаго Друбетиса, нынѣ Турнъ-Северина, см. Борисовъ Древне-рус. воен. пов., I, 45.

Въ Ипат. лѣтоп., 566, упоминается Теличъ, въ Карпатахъ, на Угорской границѣ, въ нынѣшнемъ Сандецкомъ округѣ.

[1]) Верковичъ, 135.

[2]) Верковичъ, 115.

[3]) Латышевъ, I, 230.

[4]) Забѣлинъ, I, 231.

дуетъ принять, что переселеніе изъ Македоніи началось еще до похода Дарія въ Скифію. Это утвержденіе находитъ себѣ поддержку и у Геродота, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о геллонахъ[1]): „будины, народъ многолюдный, съ свѣтлоголубыми глазами и съ рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть городъ деревянный, по имени Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину 30 стадій, стѣна высока, вся изъ дерева, равно какъ и дома и храмы будиновъ. Тамъ есть святилища еллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устроиваются тамъ каждые два года празднества съ оргіями. Первоначально гелоны были тѣ же еллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на скифскомъ языкѣ, другіе на еллинскомъ. Хотя будины ведутъ такой же образъ жизни, какъ и гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ. Будины, туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевой образъ жизни и одни изъ тамошнихъ народовъ питаются сосновыми шишками. Гелоны же напротивъ земледѣльцы, употребляютъ въ пищу хлѣбъ, занимаются садоводствомъ и не похожи на будиновъ ни сложеніемъ, ни цвѣтомъ кожи. Впрочемъ у еллиновъ и будины называются гелонами, но это неправильно“[2]).

Отмѣтимъ еще нѣсколько сопоставленій: Ардонъ около Новозыбкова и Арджанъ около Аматова; путь отъ Трубчевска къ юго-востоку на Погощъ, Колодезъ, Нѣгино, Середина Буда, Орлія, Хинель и Витичь, на 80 верстахъ состоитъ изъ македонскихъ селеній Пягуста, Колодей, Нѣгине, Средне-Егри, Орле, Кенали и Битоль, на тѣхъ же 80 верстахъ, и это не можетъ быть тоже случайностью. Значитъ македонское переселеніе продвигалось и въ направленіи Курска. Затѣмъ, за вышеупомянутыми македонской планиной Деброполе, мы находимъ Масову или Марулъ и Мешницу, на нашей картѣ за Брянскомъ или лѣтописнымъ Дебрянскомъ находимъ Мосальскъ и Мещовскъ. Сопоставляя сказанное, не можемъ считать этого случайностью, и признаемъ предвиженіе македонскаго населенія отъ Кіева въ направленіи Москвы. Далѣе, находя около Охридскаго и Преспанскаго озеръ, къ югу отъ нихъ, около Корицы или Корчи, группу селеній Коскова, Москополъ, Воскополъ, не можемъ не перейдти мысленно къ селу Кучкову, Москвѣ, „приди ко мнѣ, брате, въ Москову“, „буди, брате, ко мнѣ на Москву“, (Ипат. лѣт., 1147 г.)[3])

Это не можетъ быть невѣроятнымъ, если мы убѣдимся, что македоняне или скифы-еллины, какъ обыкновенно называетъ ихъ Геродотъ, проникли и образовали культурные центры въ нынѣшней Пруссіи, въ Жмудіи, на берегахъ Ладожскаго озера, около Казани. Съ возникновеніемъ этихъ раіоновъ, носившихъ названія Вавнонской Скифіи, Скандзы, Лагодины, Модоки, появились и промежуточные къ нимъ этапные пункты, купеческія станціи. Но объ этомъ ниже.

---

[1]) Геродотъ, I, 351.

[2]) См. для сравненія Бруна, II, статью „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скифіи и смежныхъ съ ней земляхъ“, гдѣ онъ землю будиновъ помѣщаетъ въ верховьяхъ р. Волчьей, Самары. Наше утвержденіе, что Днѣпръ—древній Варъ измѣняетъ пониманіе похода Дарія въ Скифію.

[3]) См. Забѣлина, Исторія Москвы.

Глава IV.

Македонская колонизація въ направленіи отъ Новгорода-Волынска на Минскъ и Гродно.

(ставаны, игилліоны, костобоки).

Теперь, чтобы подготовить путь къ объясненію Птолемеевскихъ трансмонтановъ (загоровъ), игилліоновъ или игулліоновъ и ставановъ, мы должны перекинуться къ западу отъ Кіева, къ игравшей въ нашей исторіи съ1148 г. роль Пересопницѣ, городу въ Волынскомъ княжествѣ, въ 20 вер. къ с.-з. отъ Ровно[1]). Въ самомъ имени Пересопницы слышатся имена македонскихъ езера и планины Преспа. Если мы добавимъ, что вдоль восточнаго берега македонскаго езера Преспанско лежатъ съ с. на ю. селенія: Асамати, Рямби, Страково. Ораи и далѣе къ ю. з. Корица или Корча, а на восточномъ берегу Азовскаго, или въ древности Меотійскаго моря, лежатъ въ томъ же порядкѣ съ с. на ю. Яксамати, Ромбитесъ, Тирамби и Астурарицани, Арихи, горы Кораксъ и городъ Корчева или Пантикапея, то для насъ выяснятся важные колонизаціонные задатки населенія, жившаго у Преспанскаго езера. Дальнѣйшее наше изложеніе подтвердитъ эти соображенія.

Обратимъ вниманіе на Кожанъ-городокъ, около Припяти, въ 60 вер. къ в. отъ Пинска. Около него мы находимъ болото Гричино, Гричиновичи, Яжувку, Дребову, Тресецъ, Лахва. Около Кожани, въ 70 вер. отъ Пиндъ планины, мы находимъ Грицово, Ежово поле, Дрѣбова, Трѣшце около Кайлара, Лавда около Гревены. Перебросимся отъ Пинска на 100 вер. на с. з., къ Косову и Бусяжу, и здѣсь мы найдемъ селенія Марачевщина, Милейки, Говтвилы, Саковцы и Ружаны, и пожалуй Переволоки, это на протяженіи 30 верстъ. На такомъ же пространствѣ, мы находимъ въ углу между Сербіею, Македоніею и Болгаріею, Босиловъ-градъ, Косово, Маричево, Милевка, Говищица, Сайчиловцы, Ръжано и Паралово, вся эта область называется Краище[2]). У насъ она примыкаетъ къ такъ называемому „Загородью", пространству отъ Пружанъ на Пинскъ. Это фактъ поразительный. Мы уже не говоримъ, что лежащій здѣсь же Биттень напоминаетъ Битолію. Двинемся на 50 вер. къ с. з. отъ Бусяжа, къ сторонѣ Волковиска, къ Самаровичамъ. Здѣсь мы увидимъ Ляховичи. Авдевичи, Воиневичи, Грицевичи, Конна, Кривоконна, Волко-вискъ, Зельва, Богдзи, Бородницы, Оюцевичи около Мира и Столбцовъ. Въ нашей Македоніи, на Пиндъ планинѣ находимъ Верхъ-Самарину, Самарину селеніе, Лясковицу или Лѣсковикъ, Авдела, Войнова планина, Гризмани, Коница, Виа, Віа, Вовуса, Зузелъ, Богпуца, Врадето или Брадето. Здѣсь же отмѣтимъ рѣку Воюцу, Вожуча, Взоса, Вогіуса, Волковія въ 25 вер. къ с. отъ Дебра и къ з. отъ Гостивара. Мы думаемъ, что не будемъ далеки отъ истины, если окрестности Волко-виска, Волко-війска назовемъ

---

[1]) Ипат. 270—530, въ 16 упоминаніяхъ въ текстѣ.
[2]) Въ Ипат., 586, говорится о Воинь на Въкраиници.

именемъ раіона къ западу отъ Гревены, т. е. Вія или Виа. Тогда для насъ объяснятся слова Іордана (стр. 60) „ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur“, т. е. войско готовъ добралось до скифскихъ странъ, которыя называютъ на своемъ языкѣ Оіумъ или Ои, а по объясненію Мюлленгофа[1]) Вульфила пишетъ Аужомъ (Aujom), какъ-бы рѣка Яуза. Пока здѣсь мы этимъ и ограничимся, такъ какъ подробнѣе будемъ говорить при описаніи загадочнаго острова Скандзы, игравшаго важную роль въ исторіи Россіи. Теперь же мы хотимъ только подчеркнуть, что македонское населеніе, вѣроятно, вмѣстѣ съ собою приносило и названія мѣстностей, которыя сохранялись, пока населеніе сохраняло память о своей родинѣ. Подтвержденіе этого мы видѣли въ гевинахъ, въ амадокахъ, въ водинахъ, и увидимъ еще.

Самое имя прилегающей къ „Виа“ мѣстности „Гревена“ съ городомъ этого же имени, съ протекающею здѣсь же рѣкою Венетико, съ селеніями Цикривеница (Cikrivenica), Пикровеница, Крувци, и мѣстность Скирія[2]), наводитъ на объясненіе Іордановскихъ „скревенновъ“, жителями „гревеннами“, тоже раіона Волковиска. Объ этомъ подробно также впереди, при обсужденіи вопроса о Скандзѣ.

Продолжимъ наше движеніе отъ Волковиска на востокъ, къ Новогрудку, къ рѣкѣ Сервечу. Здѣсь мы находимъ Циринъ, Любаничи, Кринки, Новоселки, Осташину, Велитово. На македонской картѣ находимъ около города Сервія (Селфидже) Царицани, Лабунаца, Крини, Ново-Село (Неохори), Кастаница, Валтово. Двинувшись отъ Волковиска на сѣверъ, на р. Рось, мы найдемъ Рось, Козейки, Воля, Волпа, Струга, Волковискъ, Ляховичи, Огрызки, Крисевичи, Пятаки, Литичи. Около озера Преспанскаго мы находимъ Рѣсенъ, Козякъ, Валовицы, Вапила, Струга, Волкодеръ, Лахци, Охридски, Кривени, Спотско, Лио. Отсюда уже только 50 верстъ до Гродно, про которое Слово о полку Игоровѣ говоритъ: „Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи. Исхотъ и юна кровь, ать и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизоша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода. Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи“[3]). Въ Прусской хроникѣ Виганда[4]) говорится о „Гродну, Гартенъ“. Къ сѣверу отъ Гродно мы находимъ селеніе Грандичи, на высотѣ, командующей надъ Гродно. У готскаго писателя Іордана[5]), мы видимъ маршрутъ: Гранніи, Аугандзи, Эйникси, Таетель, Руги, Арохи, Раніи, и оставляя пока безъ опроверже-

---

[1]) Müllenhof, II, 400.

[2]) См. сказаніе у Костомарова, Народоправства, I, гдѣ упоминается о Скиріи.

[3]) Обыкновенно читаютъ: „и съ хотію на кровать“, что есть явное искаженіе смысла По нашему мнѣнію слѣдуетъ читать:

„Исходилъ онъ юною кровью, все же онъ сказалъ: дружину твою, княже, птицы крыльями закрыли, а звѣри кровь вылизали. Не было тутъ брата Брячислава, ни другаго Всеволода. Одинокимъ онъ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, черезъ золотое ожерелье (златыя уста), Уныло пѣніе, исчезло веселье.“

[4]) Wigand, 107. Арабскій Массуди говоритъ о намчинахъ и ихъ царѣ Гранѣ (Погодинъ, IV, 341), не есть ли это нѣманичи и Гродно, или какъ ниже увидимъ, Грандичи и Іордановское „гранній“.

[5]) Іорданъ, 60.

нія объясненія Мюлленгофа[1]), мы здѣсь, чтобы подчеркнуть значеніе этой мѣстности, проведемъ такой маршрутъ по нынѣшней картѣ: Грандичи или Гродно, Августовъ, Янишки, Таено, Райгродъ или Ронгардъ, Рогардъ[2]), Аришъ или Арисъ, Райнъ. Здѣсь въ 1255 г. Данило галичкій, „идущу ему по езеру, и видѣ при березѣ гору красну и градъ бывши на ней преже, именемъ Рай". „Данилови рекшу: не лѣпо есть держати нашее отчины крижевникомь, Тепличемь (Тепличемъ), рекомымъ Соломоничемь", „и поидоста на нѣ въ силѣ тяжьцѣ, пріаша градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша"[3]). Очевидно, что Данило наносилъ удары крестоносцамъ въ окрестностяхъ Гродно и Райгорода, и окружающую мѣстность считалъ своею отчиною.

Рядъ площадей, населенныхъ выходцами изъ Македоніи, на Роси, у Волковиска, на Сервечѣ, у Бусяжа, и, какъ мы увидимъ, далѣе на Минскъ, даетъ намъ возможность считать всю эту мѣстность уже во времена Птолемея населенною славянами, и въ Птолемеевскомъ названіи „ставани" видѣть славянъ, но не передѣлывая „ставановъ" въ „славянъ", какъ это вообще принято въ нѣкоторыхъ трактатахъ[4]). Мы наименованіе „ставановъ" считаемъ также славянскимъ и нисколько не испорченнымъ Птолемеемъ. Такъ мы находимъ „ставани" (Stavanj) на новѣйшей картѣ въ 30 вер. къ с. в. отъ Даниловграда (Черногорія), и тутъ же Братоножичи, Сѣверница, Стретеска гора, Столица, Смолице, т. е. цѣлый рядъ славянскихъ наименованій. Здѣсь же мы находимъ сочетаніе Птичь и Морача, и эти же два имени видимъ, у насъ, къ востоку отъ Кожанъ-городка, внизъ по Припяти, въ названіяхъ двухъ рѣкъ Морача и Птичь. Это еще болѣе утверждаетъ насъ въ правильности нашего вывода, что эта мѣстность была населена „ставановами" славянскаго происхожденія. Къ тому же выводу приводитъ цѣлый рядъ въ этой мѣстности именъ, начинающихся на слово „Сто", напр. Столовичи, Столбцы, Стоходъ, Стодоличи, Струмень, Стырь, Стубла, Стошаны, Стеблевичи, Станки, Студеровичи, Застодольня. Вспомнимъ также приводимые Забѣлинымъ[5]) радъ названій: „Словени", Словогощъ, Словенескъ, Словинента или Вен-Словинента, Славчица, Славное, Сокольду (около Гродно) и Ишкольдъ, оба напоминающіе Аскольда. Названіе „ставановы" повторяется и у арабскаго писателя X вѣка по Р. Хр., Массуди, въ словахъ: „другія склабскія націи суть: истабуаны (истрабаны), которыхъ нынѣшній царь называется Сакланджъ (Саклаиджъ)"[6]), вѣроятно Словенъ или Свенгельдъ, Свинельдъ, или даже Святославъ. Въ „ставановахъ" можно видѣть и „стадичей", stadizi, мюнхенскаго географа XI стол., который говоритъ, что „стадичи имѣютъ 516 городовъ, а народу безчисленоое множество"[7]). Самое названіе „ставановы" могло образоваться отъ названія центральнаго въ разсматриваемой нами части Балканскаго полуострова, города Стоби, Стовы, Стипъ, Штипъ на р. Брѣгальницѣ (на этой же рѣкѣ выше есть сел. Истабаня)[8]).

---

[1]) Müllenhof II, 400.
[2]) См. Wigand, 105: Rongard, Raigrod, Rogard.
[3]) Ипат. 517.
[4]) Забѣлинъ, I, 278
[5]) Забѣлинъ, II, 55.
[6]) Погодинъ М. IV, 341.
[7]) Погодинъ. М. IV 43. Сравнить сказанное здѣсь со словъ Шафарика съ выводами Лелевеля, стран. 688.
[8]) У Тацита, стр. 230, упоминаются „истевоны".

Такимъ образомъ, у насъ образовались какъ бы острова македонскаго населенія: у Пересопницы, Кожанъ-городка, Бусяжа и далѣе къ сторонѣ Гродно и Минска. Изъ карты Флоринскаго мы убѣждаемся, что македонское населеніе около Кожани носило названіе „дреговичей", и мы видимъ изъ начала нашей лѣтописи, что „сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи, дрьговичи", „другубитонъ" по Константину Багрянородному.

Теперь посмотримъ на связь этихъ группъ. Къ сѣверу отъ Ровно, около Степана на Горыни, мы найдемъ Бол. и Мал. Мицкъ, къ с. з. отъ Мицка, въ 20 вер. Полицу, около Чарторійска, затѣмъ въ 20 вер. далѣе Сопачевъ на Стырѣ, и далѣе къ с. з., за 40 вер , Любашево, Любязь. На македонскомъ югѣ находимъ Мичикели планину, затѣмъ Полицани, тутъ же селеніе и рѣку Чарсова, Сопики и въ 20 верстахъ Либоховонъ, и эта мѣстность носитъ названіе Загоріе. Если допустить, что населеніе Мицка, Полицы, Чарторійска, Сопиковъ и Любашева, пришло изъ Загорья, то понятно помѣщеніе Птолемеемъ здѣсь „Трансмонтановъ", причемъ онъ говоритъ: „ниже ихъ (т. е. ставановъ) игилліоны, затѣмъ кистобоки (костобоки) и трансмонтаны (загоры) до Певкинскихъ горъ". Мы видимъ игилліоновъ въ зельвянахъ и жижгулянахъ, т. е. на рѣкѣ Зельвѣ и въ Жижгулянскомъ лѣсѣ и на рѣкѣ Жижгулянкѣ (македонскій Зузель), причемъ получаемъ водный путь отъ Пинска по Ясельдѣ, озеру Споровскому, по Доргобужѣ, Здзитовъ, озеро Черное, Жижгулянкѣ, Зельвѣ (или Ружанкѣ) или Зельвянкѣ, въ Нѣманъ, и къ Гродно. Къ западу отъ Жижгулянки, за рѣкою Ясельдой, лежитъ Селецъ, на 10 вер. къ ю. отъ него Пеляжинъ; на македонской картѣ мы находимъ Селецку планину въ Пелагоніи, около Битоля. Такой же Пеляжинъ находимъ около Деречина, къ в. отъ Волковиска. Въ 20 вер. къ с. з. отъ Полицани лежитъ мѣстность, прилегающая къ Загорскимъ горамъ и Скиріи, съ городомъ Дрѣмѣти и селеніемъ Дримадесъ, Дремисти. Слѣдовательно македонское Загорье имѣло городъ и селенія съ названіемъ Дрѣметь. Къ нашему Загорью около Мицка прилегаетъ цѣлая полоса съ селеніями съ окончаніемъ „мель", напр. Боремель, Радомель или Радомысль, Любомль, Сухомель, и это въ направленіи отъ Мицка на Луцкъ и далѣе. Это наводитъ на мысль: не сюда ли относится сказанное въ Словѣ о полку Игоровѣ: „литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи". Вообще вся Деревская земля, Деревлянская, Дерева[1]), могла пониматься подъ Деревмелью или Деремелью. На македонской картѣ въ раіонѣ Дебръ находимъ мѣстность подъ названіемъ Лузня и въ ней Лушештъ, Синете, Меланъ, Миляце, Чирасите, Тури, Радомиръ, Ліума, Люма. Около нашего Луцка, гдѣ мы предполагаемъ „дремель, деревъ", находимъ Свинюха, Малинъ, Милятинъ, Чаруковъ, Турія, Затурце, Родомысль, Олыка. Вообще, можно думать, что названіе деремель составилось изъ названія рѣки Дрима, на которой и находится Дебръ планина. Не сюда ли относится разсказъ Страбона[2]) о Дромихетѣ, царѣ гетовъ, страны „между Понтійскимъ моремъ и гетами, отъ Истра и до Тиры, гдѣ лежитъ пустынная часть земли гетовъ, представляющая огромную

[1]) Ипат. 34, 36, 38, 45, 49.
[2]) Страбонъ 304, 307.

безводную равнину, на которой Дарій, сынъ Гистаспа, принужденъ былъ терпѣть голодъ во время перехода черезъ Истръ въ область скифовъ". Впослѣдствіи Лизимахъ, времени преемниковъ Александра (Македонскаго), захваченъ былъ въ плѣнъ Дромихетомъ, который отпустилъ его, показавъ ему бѣдность свою и цѣлаго племени.

Перейдемъ къ опредѣленію кистобоковъ или костобоковъ. На македонской картѣ мы находимъ около Кичево и Гостивара или Костово рядъ селеній: Турье, Песочени, Заясъ, Кичево, Оздолени, Иждеглавъ, Вельменполе, Вельмевци, Лезани, Жюдово, Юдова, Новосело, Добреновецъ, Давицъ на р. Велика. На нашей картѣ, около Турова, о которомъ Лѣтопись[1]), подъ 980 г. говоритъ: „бѣ бо Рогволодъ перешелъ изъ заморья, имяше волость свою Полотьскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него и туровци прозвашася", имѣются: Запесочье, Заятелье, Хильчицы, Оздамичи, Велемичи, Ольшаны, озеро Князь или Жидъ, Житковичи, Новоселье, Добрынь, Туры, Давидъ на р. Ветлицѣ. Въ Македоніи эта мѣстность имѣетъ главными городами Кичево и Гостиваръ или Костово, отсюда мы заключаемъ, что Птолемей называетъ кистобоками или костобоками населеніе окрестностей нашего древняго Турова (около Турова есть сел. Семигостичи). Дѣйствительно, слѣдуя маршруту Птолемея: „ниже ихъ (ставановъ) игилліоны, затѣмъ кистобоки (койстобоки) и трансмонтаны (загоры) до Певкинскихъ горъ", мы идемъ путемъ отъ Гродно по Нѣману, по Зельвянкѣ, Жижгулянкѣ, въ Ясельду, по Припяти до Горыни, гдѣ входимъ въ предѣлы костобоковъ или туровцевъ, по Горыни до Степана, гдѣ входимъ въ предѣлы загоровъ, далѣе выходимъ на Ровно къ Кременцу и Почаеву.

Какъ астрономически указанное Птолемеемъ положеніе горъ Певке или Пейке, такъ сходство названія и вышеприведенный маршрутъ наводятъ на заключеніе, что горы Певке—это нынѣшній Почаевъ. Въ Македоніи, выше города Велеса, въ Вардаръ впадаетъ рѣка Пчиня или Починя, напоминяющая Почайну у Кіева. Около Почаева, мы находимъ Кременецъ, Дунаевъ, Птиче, Козинъ, Купель, Сестратинъ, Ровно. Въ Македоніи около Пчини видимъ Караманица, Дунавица, Пчиня, Козья, Купина, Страцинъ планина, Руянъ планина, кромѣ того Рогово, Ругово, Скакавица (Скавыка у Кіева), Стара Русце. Уже два названія Почаевъ и Пчиня, Сестрацинъ и Страцинъ могутъ доказывать присутствіе здѣсь македонской колонизаціи.

Выше мы говорили о „Віа", какъ древнемъ названіи мѣстности около Волко-війска около рѣки Роси, какъ прежде назывался и весь Нѣманъ. Тоже имя „Віа", въ формѣ „Ван", мы находимъ у арабскаго писателя X вѣка, Ибнъ-Даста, въ крайне интересной передачѣ Хвольсона[2]). Приведемъ здѣсь текстъ Ибнъ-Даста о славянской землѣ.

„Отъ земли печенѣговъ до земли славянъ 10 дней пути. Въ ближнихъ краяхъ земли славянской находится городъ, по имени Ва-и. Путь туда идетъ по степямъ, по мѣстамъ бездорожнымъ, черезъ ручьи и лѣса дремучіе. Земля славянъ есть равнина лѣсистая; въ лѣсахъ они и живутъ".

„Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень. Изъ дерева

---

[1]) Ипат. 50.
[2]) Хвольсонъ 28, 123

выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ, и медъ пчелиный сберегается. Зовутся эти кувшины улилщъ (ульи) и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меду. Разведеніемъ свиней занимаются они, равно какъ (другіе) овцеводствомъ".

„Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ. Черезъ годъ по смерти покойника берутъ кувшиновъ двадцать меду, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся.

„Если у покойника было три жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его два столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгораетъ."

„Всѣ славяне—быкопоклонники[1]). Хлѣбъ, наиболѣе ими воздѣлываемый - просо. Въ пору жатвы кладутъ они просяные зерна въ ковшъ, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: „Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ".

„Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Послѣднія длиною въ два локтя, лютня же ихъ осьми-струнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному (взявъ его къ себѣ). Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ упомянутый человѣкъ. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ".

„Глава ихъ зовется супанечъ (жупанъ). Ему они повинуются, и отъ приказаній его не отступаютъ. Жилище его находится въ серединѣ земли славянъ. Помянутое выше лицо, котораго титулуютъ они „главою главъ" (великій князь) зовется у нихъ Свіитмлкъ. Это лицо стоитъ выше супанеча (жупана), который считается лишь его намѣстникомъ. Онъ (т. е. великій князь) имѣетъ верховыхъ лошадей и питается исключительно кобыльимъ молокомъ. Есть у него также прекрасныя, прочныя и драгоцѣнныя кольчуги. Городъ, въ которомъ онъ живетъ, зовется Джервабъ. Здѣсь у славянъ происходитъ ежемѣсячно, въ продолженіе трехъ дней, торгъ: продаютъ и покупаютъ".

„Въ землѣ славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родь погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываетъ земли. Въ такіе погреба

---

[1]) Хвольсонъ, прочтя „быкопоклонники", думаетъ, что слѣдуетъ „огнепоклонники." Но мы считаемъ первое вѣрнѣе, и говоримъ о томъ въ главѣ XII.

переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны".

„Царь ихъ объѣзжаетъ ихъ ежегодно. Если у кого изъ нихъ есть дочь, обязанъ онъ давать (царю) по одному изъ платьевъ ея въ годъ. Такимъ же образомъ обязанъ давать ему въ годъ по одеждѣ изъ платьевъ сына его, если есть сынъ. У кого нѣтъ ни сына, ни дочери, тотъ обязанъ давать по платью въ годъ отъ жены или служанки. Поймаетъ царь въ государствѣ своемъ разбойника—велитъ или задушить его, или же отдаетъ его подъ надзоръ кого либо изъ правителей на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣній".

Ибнъ-Даста именуетъ славянскаго князя Свіитмлкъ. Хвольсонъ объясняетъ, что это Святополкъ. Мы же думаемъ, что это Свят-малкъ, основываясь на лѣтописномъ свидѣтельствѣ, что князь Деревьскій, съ съ которымъ въ 945 г. воевала Ольга, былъ именемъ Малъ, Малкъ. И названіе города Джервабъ наводитъ на названіе Дерева, Жеревъ, рѣка и селеніе въ Деревѣ, около Овруча и Искоростя, осажденнаго Ольгою. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго Ибнъ-Дастой можно придти къ заключенію, что въ его время, въ X столѣтіи, при нашихъ князьяхъ Олегѣ и Игорѣ, подъ именемъ славянской земли, а по тексту Эль-Балхи[1]) „Селавія", извѣстна была полоса земли отъ Гродно, Волковійска (Ваи) до Овруча, Коростеня (Джервабъ, Жерева, Дерева), т. е. страна, населенная ставанами, и выселенцами изъ Кожани, Босилова, Сервіи. Это даетъ намъ возможность объяснить одно до сихъ поръ неясное мѣсто у Константина Багрянороднаго, гдѣ онъ говоритъ: „aut in Sclavica loca Berbianorum Drungubitarum, Cribitzarum, Serviorum, reliquorumque Sclavorum qui Russis tributarii sunt"[2]), т. е. перечисляетъ бербіанъ, друнгубитовъ, кривичей, сервіевъ. Если мы пояснимъ, что въ бербіанахъ видны Беребиста, Перепетъ, Перепетовы курганы къ ю. з. отъ Кіева, Припять въ Деревской землѣ, а слѣдовательно древляне, а въ друнгубитахъ дреговичи, ибо, по картѣ Флоринскаго жители македонскаго Кожани носили названіе дреговичей (см. ниже, главу VIII), то для насъ будетъ ясно, что Константинъ говоритъ здѣсь о той же полосѣ земли, которую арабскіе географы именуютъ „Славянскою" или „Славіею", и помѣщаетъ въ ней лѣтописныхъ древлянъ, дреговичей, кривичей, прибавляя жителей по рѣкѣ Сервечъ, выселенцевъ изъ македонской Сервіи. Арабскій писатель Массуди[3]) перечисляетъ: „истабуаны, дулабы, намчины, меналы или менабины, хорватины, кашанины, баранджабины, сербины", и мы здѣсь узнаемъ ставановъ, дулебовъ, нѣманичей, меньсковъ, минцевъ, кривичей, кожаниновъ, бербіанъ или древлянъ, сервіевъ. Такъ свѣдѣнія изъ разнородныхъ источниковъ схожи между собою, что доказываетъ ихъ достовѣрность. О кривичской и дреговицкой земляхъ мы имѣемъ достаточныя указанія въ трудѣ Довнара-Запольскаго[4]); о сервечской же нѣтъ никакихъ извѣстій. Мы

---

1) Хвольсонъ. 171; см. ниже, главу XI.
2) Константинъ Багр. 79.
3) Погодинъ IV, 342.
4) Очеркъ исторія кривичской и дреговичской земель. Кіевъ, 1891.

знаемъ лишь, что рѣка Сервечъ, длиною въ 50 вер., составляетъ лѣвый притокъ Нѣмана, и на ней лежатъ: упоминаемое въ актахъ Виленскаго Археологическаго Сборника село Сервечъ, еще меньшее селеніе Сервечъ и въ верховьяхъ мѣстечко Городище. Около верховьевъ Сервеча лежитъ мѣстечко Столовичи, знаменитое Суворовскою побѣдою въ 1771 г. и вѣроятно носящее въ себѣ Птолемеевское наименованіе „ставапы", и арабское „истабуаны". Ниже Сервеча въ Нѣманъ впадаетъ Бѣловѣчь, одного окончанія съ Сервечемъ, и на ней Брицанка и Брячанка и недалеко Вселюбъ; можетъ быть отсюда имена Брячиславъ и Всеславъ: „на землю русскую, на жизнь Всеславлю", „Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ", „не бысь ту брата Брячяслава", говоритъ Слово о полку Игоровѣ; здѣсь говорится о Немизѣ у Минска. Отсюда видно, что Слово о полку Игоревѣ, въ этомъ мѣстѣ, говоритъ именно о Славянской землѣ, о Славіи, и близко около Сервеча. Какъ мы уже говорили выше, около Сервеча лежатъ Циринъ, Любаничи, Кринки, Новоселки, Осташина, Велитово, селенія схожія съ македонскими Сервія, Царицани, Лабунаца, Крини, Ново-Село, Кастаница, Валтово. На македонской картѣ Сервія или Селфидже лежитъ около Камвунца планины и Егри Буджака, послѣднее напоминаетъ одного изъ пословъ Игоря въ 945 г., Егриерлискова, причемъ въ нашей Славіи мы имѣемъ мѣстечко Лысково.

Выше мы видѣли, что Ибнъ-Даста говоритъ объ ежегодномъ объѣздѣ славянъ царемъ. У Константина Багрянороднаго (стран. 79) мы находимъ такое же извѣстіе, что въ ноябрѣ русь отправдяется въ землю бербіанъ или древлянъ, дреговичей, кривичей и сервіевъ на полюдье для сбора жира (poludia, Gyra), т. е. богатства: „иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкія, рускаго злата насыпаша", говоритъ Слово о полку Игоревѣ. Но это наше объясненіе слова „Гира" или „жира" не исключаетъ возможности, что подъ „Гира" подразумѣвается Геродотовъ „Герръ", о чемъ мы будемъ говорить ниже.

Глава V.

Новгородская Ладога—Македонская Лягадина.

Какъ не покажется вышеприведенное сопоставленіе невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе оно поражаетъ своимъ полнѣйшимъ сходствомъ. Руководствуясь трудами Бранденбурга, Неволина и Нордмана о Ладогѣ и новгородскихъ пятинахъ, мы видимъ, что древняя Ладога лежала на 14 верстъ выше по Волхову нынѣшней Ладоги. Впервые Ладога упоминается въ лѣтописи подъ 862 г.: „и придоша къ словѣномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу", подъ 1114 г. „заложена бысть Ладога ка-

меніемъ на приспѣ“ (и далѣе разсказывается о нахожденіи глазковъ стеклянныхъ около Ладоги)[1]).Въ самомъ началѣ лѣтописи[2]) говорится: „словене же сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новгородъ“. Новгородъ сдѣлался центромъ пяти новгородскихъ пятинъ. Къ сѣверу лежала Водская пятина, къ востоку отъ нея Обонежская, далѣе Бѣжецкая, затѣмъ Деревская и Шелонская, примыкавшая къ Водской. На македонской картѣ находимъ, въ 15 вер. къ с. в. отъ Солуня, городъ Лягадина, Лангаза, въ 5 вер. отъ езера Лягадинско, и на рѣкѣ Лягадинѣ (Богданица). Къ востоку отъ Лягадины лежитъ путь на Водену, о которой мы говорили, разыскивая будиновъ; къ с. в. на Нѣгованъ, Нигриту, Негриту, Серъ, Сѣръ; къ в. Драма, Дрямъ; къ ю. в. и в. езеро и горы Бешикъ, Безикъ; къ ю. Терма, Тессалоника или Салоники, Солунь, Селунь или Шелонь. Такимъ образомъ, македонская Лягадина окружена, считая съ запада на востокъ, Воденой, Нѣгованомъ, Безикомъ, Дремиглавой, Селунью; а нашъ Новгородъ, считая съ запада на востокъ, пятинами Водской, Обонежской, Бѣжецкой (Бѣжецкой Връхъ)[3]), Деревской и Шелонской. Это сходство еще болѣе будетъ поразительно, если мы установимъ, что въ 50 вер. къ з. отъ Селуня лежитъ городъ Пузеритъ, Пазаракія, а въ нашей Шелонской пятинѣ лежитъ погость Пажиричи, Пажеревицы, на дорогѣ изъ Порхова въ В. Луки[4]); это Пажириты, о которыхъ говоритъ Птолемей: „затѣмъ аорсы и пагириты (пажириты), ниже ихъ савары и боруски до Рипейскихъ горъ“. Если мы отмѣтимъ у Новоржева озеро Аршо, по 10-ти верстовой картѣ, и сел. Оршинское, затѣмъ р. Сѣверу, притокъ Шелони, затѣмъ рѣку Порусью около Старой Руссы, то получимъ маршрутъ Птолемея: аорсы-Орша, Аршо, пажириты-Пажиричи, савары-Сѣвера, боруски-Порусья, полагая, какъ мы увидимъ ниже, Рипейскія горы, какъ горы Валдайскія или какъ древній Воковскій лѣсъ[5]). Къ с. в. отъ македонскаго Безика мы находимъ Високу и езеро Тахино, Фитокъ, Гудели, озеро Ландза, Неохоръ, Чайазя, Рендина, заливъ Рендина, Мону, Мунуху, Струмъ, Езово. Около нашего Бѣжецка находимъ Бѣседу, Весье-гонскъ, Тихвинъ съ окружающими его Фисова гора, Поголда, Ландское озеро, Юхора на Сяси, озеро Рандогское, Рандога, Монина, Острача, Ежова. Къ востоку отъ озера Тахино лежитъ рѣка Мѣста, Места, Неста, откуда названіе новгородской Мсты. Въ верховьяхъ Месты и Гебра (нынѣ Марицы), у Гемскихъ горъ или Балканъ, показываетъ Страбонъ[6]) бессовъ. Отсюда, мы полагаемъ, вытекло новгородское названіе „весь“, что подтверждается сказаніемъ: „преемники Словена и Руса въ многихъ

---

[1]) Ипат. 11, 199.
[2]) Ипат. 4.
[3]) Воскресен. 241.
[4]) Неволинъ, 150.
[5]) Ипат. 4 „Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса, и потечеть на полудни; а Двина изъ того же лѣса потечеть, и идеть на полуночье и внидеть въ море Варяское; исъ того же лѣса потечеть Волга на въстокъ, и вътечеть 70 жерелъ въ море Хвалійское„. Около Твери есть р. Тма, упоминаемая въ лѣтописи при убіеніи Св. Бориса. Въ Родонскихъ горахъ къ с. в. отъ Драма имѣемъ гористо лѣсистую мѣстность „Вакъвски“ села съ городомъ Гъмръшъ и рѣкою Ляджа. Можетъ быть не „Воковски“, а „вакуфски“, но этого выяснить не удалось, и вопросъ остается открытымъ.
[6]) Страбонъ, 320, 343. Выше мы видѣли, что въ Македоніи древняя Егнатіева дорога проходила мимо Лагодины. Около Новгорода мы находимъ Игначъ крестъ, у котораго по лѣтописи остановились татары.

поколѣніяхъ княжили надъ окрестною страною; потомъ при-Ильменскій край постигла моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались: одни поселились на Бѣломъ озерѣ, другіе на Темномъ, и назвались весь"[1]). Очевидно они приняли племенное имя. Новгородское сказаніе говоритъ о маломъ градкѣ „на мѣстѣ нѣкоемъ зовомомъ Перыня", „чародѣи Волхвѣ яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣцѣ Волоховѣ, изверженъ на брегъ противъ волховскаго градца, иже нынѣ зовется Перыня[2]). На македонской картѣ около озера Тахина мы находимъ горный кряжь Пѣрнаръ или Кушница. По словарю Даля мы можемъ убѣдиться какъ легко Лягодина (Лагода) переходитъ въ Лядогину или Ладогину, Ладогу; онъ приводитъ[3]) примѣръ: лагодить, лагода, лады, ладъ, миръ, порядокъ, устройство, а также ляга, непросошная лужа, омутъ въ рѣкѣ. Даже на македонской картѣ, къ востоку отъ озера Тахино рѣка Ляджа, р. Драматица или Анджиста. Все это напоминаетъ указываемое Іорданомъ[4]) названіе народа „Адогитъ, Адожить", отсюда Ладожить, Ладогить, Ладожина, Лягодина. Отсюда же, можетъ быть, Птолемеевскіе агатирсы, какъ Лагадичи. Выше мы видѣли, что македонская Лягадина имѣла также названіе Лангаза, что напоминаетъ указанныхъ Константиномъ Багр.[5]), вмѣстѣ съ кривичами, „лензаниновъ". Сюда же относятся „лудзана", о которыхъ говоритъ Массуди, и которые торгуютъ съ Испаніею, Римомъ, Константинополемъ и Хозаріею[6]). Тотъ же Іорданъ[7]) говоритъ о народахъ, подчиненныхъ Эрманариху: инаункси, васина, бронкасъ, атауль (ацауль), навего, бубе, женасъ, імнисъ, карисъ. Ниже, при описаніи острова Скандзы, мы будемъ говорить подробнѣе по этому вопросу, здѣсь же, для полноты обстановки новгородскаго края, выскажемъ, что въ числѣ іордановскихъ народностей, мы полагаемъ эскимосовъ-иннуитовъ, нѣкогда населявшихъ нашъ дальній сѣверо-востокъ[8]), весь, бронницы, ошелу, нево, бубье, геневу, ямь и корелу. Такимъ образомъ, мы видимъ, что коренное населеніе Ладоги принадлежитъ къ „мигдонамъ"[9]), а Кіева къ „ематеямъ", амадокамъ. Коснемся нѣсколько сказаній.

Въ нашихъ хронографахъ XVI и XVII вѣковъ записана легенда, подъ названіемъ: „О исторіи еже отъ начала рускія земли и созданія Новагорода"[10]), въ которой разсказывается, что потомки Афета, Скифъ и Заръ-Данъ, отлучившись отъ прочей братіи, поселились на берегахъ Эвксинопонта (Чернаго моря); потомки ихъ тамъ обитали долгое время, пока между ними не возникло междоусобіе. Тогда, въ 3099 г. отъ Сотв. міра, т. е. въ 2409 г. до Р. Хр., два изъ сыновей Скифа, Словенъ и Русъ, рѣшились оставить братьевъ Болгара, Комана и Искера,

---

[1]) Костомаровъ I, 6.
[2]) Костомаровъ, I, 5.
[3]) Даль, Словарь, II, 236, 291.
[4]) Іорданъ, 58.
[5]) Константинъ Багр., 75. Около Кобелякъ Полтав. губ. есть Лагойдены. У Кондакова, Македонія, 105. Лагадина названа Лагудина. Ляцкій, 356, устанавливаетъ, что „ленцайны" это ленки, лонки, и что литовцы такъ до сихъ поръ зовутъ поляковъ, ляховъ.
[6]) Хвольсонъ 166, указываетъ также варьянты Лудзана, Лудзаая, Мудана. Нельзя не вспомнить новгородское сказаніе, что озеро Ильмень и рѣка Волховъ въ древности назывались Мойско и Мутная. См. ниже, гдѣ мы говоримъ объ этомъ сказаніи.
[7]) Іорданъ, 88.
[8]) См. статьи Журавскаго„ газета Новое время 2 февр. 1909 г.
[9]) Можетъ быть изъ слова „мигдоны" образовалось слово „модоки".
[10]) Карамзинъ, I, прим. стран. 35; Костомаровъ, I, 4.

и пошли искать себѣ новаго отечества, и черезъ 14 лѣтъ пришли къ озеру Мойско, откуда вытекала рѣка Мутная. Словенъ поселился на рѣкѣ Мутной, основалъ городъ Словенескъ, и назвалъ рѣку Мутную Волоховомъ, протокъ ея Волховцемъ, по имени двухъ сыновей, другую рѣку Шелонью, а озеро Ильмеромъ, въ честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры. Волоховъ былъ лютый чародѣй и жилъ въ особомъ городкѣ Перыни. Именемъ Волховцева сына Жилотуга, названъ протокъ рѣки Волохова, гдѣ онъ утонулъ младенцемъ. Братъ Словеновъ, Русъ, основалъ городъ Русу и назвалъ тамъ одну рѣку Порусью, а другую Полистою, такъ именовались жена и дочь его. Преемники Словена и Руса въ многихъ поколѣніяхъ княжили надъ окрестною страною и распространили предѣлы своихъ владѣній на сѣверѣ до Ледовитаго моря, овладѣли берегами Печеры, Выми, перешли за высокія горы въ страну, гдѣ водятся соболи, воевали даже до египетскихъ странъ. Потомъ край при-Ильменскій постигла моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались: одни поселились на Бѣломъ озерѣ, другіе на Темномъ и прозвались весь, „иные же по разнымъ и нарекошася различными наименованіями“. Тогда опустѣли Словенскъ и Руса на многія лѣта[1]). Но потомъ, когда на славянъ напали угры бѣлые и повоевали ихъ и разметали ихъ грады, и довели славянскую землю до окончательнаго запустѣнія, услышали славяне про земли прадѣдовъ своихъ, что лежатъ они въ запустѣніи, и отправились туда. Снова заселили они берега Ильменя и поставили себѣ городъ и уже не на прежнемъ, а на новомъ мѣстѣ, выше стараго, и назвали его Великій Новгородъ. „Градъ же поставиша отъ стараго Словенска близь къ Волхову рѣки, яко поприще и болѣ, и нарѣкоша его Новградъ-Великій“. Ихъ старѣйшина Гостомыслъ возобновилъ Русу, а его сынъ Словенъ, поставилъ въ Чуди городъ надъ рѣкою на урочищѣ, называемомъ Ходницѣ и назвалъ его Словенскомъ, а сынъ его переименовалъ Словенскъ въ Изборскъ, по имени своему. Гостомыслъ посовѣтовалъ избрать князей изъ прусской земли, съ береговъ Варяжскаго моря. Онъ похороненъ на Волотовомъ полѣ.

Къ югу отъ македонской Лагадины и Бешика или Бѣжека находится Асана, и это названіе наводитъ насъ на другое, сохранившееся въ нашей древней литературѣ сказаніе объ управителяхъ, словенами и русами, князьяхъ Великосанѣ, Асанѣ и Авехасанѣ (напоминающемъ Авитохола[2]). Карамзинъ приводитъ легенду объ этихъ князьяхъ, получившихъ отъ Александра Македонскаго грамату[3]). Грамата ничего, кромѣ напыщенныхъ искусственныхъ выраженій не содержитъ, но интересенъ фактъ, могущій указывать, что на нашей землѣ, какъ-бы около нашей Ладоги, сохранилась память о томъ, что вѣроятно относилось къ македонскому Асану, и къ македонской Лагадинѣ.

Эти сказанія повѣствуютъ какъ-бы о трехъ событіяхъ. Одно, образованіе Словенска и Русы; другое, послѣ моровой язвы возстановленіе Словенска, подъ названіемъ Новгорода, и Русы, и построеніе Из-

---

[1]) Въ Сборникѣ Археол. Института, Спб. 1880, кн. III, въ статьѣ Оглоблина. Объясн. записка къ картѣ Полоцкаго повѣта, стран. 19 объясняется. что „пустошь„ — это гдѣ исчезло не только населеніе, но и слѣды жилья, а сохранилось лишь названіе. Въ писцовыхъ книгахъ есть „пустыя деревни“—это пустыя жилья.

[2]) См. роспись болгарскихъ князей, ниже, въ главѣ VII.

[3]) Карамзинъ, I, прим. стр. 36 и 53.

борска, т. е. какъ-бы начало Пскова; и третье, мы усматриваемъ въ наименованіяхъ Волховъ, Жилотугъ. Если мы разсмотримъ мѣстность около Старой Руссы, то найдемъ р. Войе, Полисть, Голино, Кукуева, Чертова, Эрзова, Сороть, Порось, Солонь, Суйда, Мста, Порховъ. Въ той же македонской мѣстности, которую мы сравнивали съ окрестностями Волко-війска, мы находимъ Воюща, Полицани, Галено, Кукусъ, Чарсова, Арсъ, Эрзъ, Сарантопоросъ. Цолонія, Судена. Замѣчательно, что какъ подъ Старой Русью, такъ и подъ Волковійскомъ мы встрѣчаемся съ рѣками Рось, Порусья и съ именемъ Руса. Можно думать, что іордановскій „Ой“ или „Вой“ простирался отъ Волковійска до озера Ильменя. Какъ промежуточный между этими раіонами „Вой“, мы находимъ около Россіенъ также раіонъ „Ои“, „въ Ояхъ“, о которомъ скажемъ въ главѣ VI, когда будемъ говорить объ островѣ Скандзѣ. И даже далѣе до Тихвинскаго уѣзда, до рѣки Ойяти[1]). Слѣдовательно, первоначально пришло подъ Старую Руссу населеніе нынѣшней Цолоніи или Солоніи, съ сѣверной части Эпира, вытѣсненное греками. Затѣмъ, послѣ моровой язвы, оно было усилено населеніемъ изъ македонской Лагодины, до которой теперь дошли тѣ же греки, это повело къ основанію Ладоги. И въ это время какъ-бы образовался Псковъ, или по крайней мѣрѣ Изборскъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа (стр. 173) сказано: „Изборскъ стоитъ на Словенскихъ ключахъ. Отъ Изборска 12 верстъ градъ Пещеры (Печеры).“ Между тѣмъ подъ Изборскомъ никакихъ Славянскихъ ключей нѣтъ. Мы думаемъ, что это объясняется тѣмъ, что, по объясненію Венелина[2]) самое слово „Изворъ“ или короче зворъ, значитъ ручей, потокъ, и есть слово славянское, болгарское, перенятое волохами. Отсюда, слова лѣтописи: сѣлъ „Труворъ въ Изборцѣ“, можно замѣнить „Труворъ въ Славянскомъ ключѣ“. Къ юговостоку отъ македонской Лагадина, южнѣе озера Бешикъ, мы находимъ Изворъ, и въ 20 вер. отъ него Пазаракія; что напоминаетъ и Пажиричи и Пещеру; а въ 20 вер. къ западу отъ Извора стоитъ Леригово, Елеригово, напоминяющее и Ригу и Рерика или Рюрика. Ниже, въ главѣ объ островѣ Скандзѣ, мы увидимъ намекъ, что какъ городъ Изборскъ, такъ и самъ Труворъ, братъ Рюрика, могутъ быть отнесены къ глубочайшей древности, ко временамъ Птолемея.

Затѣмъ, послѣ разгрома Траяномъ дако-гетскаго царства, пришли дако-геты или волохи, съ рѣки Жилортъ или Жилотугъ, изъ окрестностей Друбетиса или Сѣверскаго Трубежа, нынѣ Турнъ-Северина[3]).

Мы знаемъ, что Птолемей на сѣверѣ Сарматіи помѣщаетъ пагиритовъ, саваровъ, борусковъ, аорсовъ, агатырцевъ, гелоновъ. Мы выяснили, что селенія Ново-Ржевъ или озеро Аршо, Пажиричи, Сѣвера, рѣка Порусья образуютъ цѣльный маршрутъ. Въ агатырцахъ нельзя не видѣть Лагоды или нынѣшней Ладоги. Опираясь на это, мы въ гелонахъ видимъ жителей Голина, селенія въ устьяхъ Шелони, лежавшаго въ старыхъ маршрутахъ, такъ Мейербергъ въ 1661 г. описываетъ это селеніе и даже прилагаетъ его рисунокъ, съ подписью: „Голино, деревня, принадлежащая великому князю московскому, на озерѣ Ильме-

---

[1]) Костомаровъ I, 410.
[2]) Венелинъ, 263.
[3]) См. Древне-рус. воен. пов., 1, 45

ни, въ 6 миляхъ отъ Сольцы".[1]) Въ новгородской лѣтописи, подъ 1270 г., Голино упоминается въ походѣ новгородцевъ противъ князя Ярослава.

По скандинавскимъ сагамъ существованіе Ладоги или Альдейгобурга восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ по Р. Хр., и указывается владѣтель Альдейгобурга Біартрамъ, бывшій въ дружбѣ съ потомками Сигге, прозваннаго Оденомъ или Божественнымъ, являющагося сказочнымъ родоначальникомъ скандинавскихъ преданій. Этотъ Оденъ прибылъ въ Скандинавію будто-бы въ 379 г. (или во II вѣкѣ), по паденіи остготскаго царя Ерманрика[2]).

Приведемъ еще другую легенду, въ которой приводятся женскія имена Гиперохи, Лаодики, Арги и Опиды. Нѣтъ невозможнаго, что въ Лаодикѣ выражено названіе Ладоги, въ Опидѣ и Аргѣ—Опидема и Аргойти, селенія на легендарномъ островѣ Скандзѣ, о которомъ мы будемъ говорить въ главѣ VI и который мы видимъ въ нынѣшней Жмуди[3]). Объ этихъ женщинахъ разсказываетъ Геродотъ[4]), описывая гипербореевъ, что отъ нихъ „приносятся къ скифамъ священные дары, завороченные въ пшеничную солому, отъ скифовъ принимаетъ ихъ сосѣдній народъ и передаетъ слѣдующему; такъ несутъ ихъ все дальше на западъ до Адріатики. Отсюда дары продолжаютъ путь на югъ и прежде другихъ еллиновъ принимаются додонянами. Засимъ спускаются къ Малійскому заливу и переправляются на Евбею, до Кариста, на Тенъ и на Делъ. Такимъ-то образомъ, говорятъ дeлія-не, прибываетъ на Делъ эта святыня. Но первоначально-де гипербореи послали съ дарами двухъ дѣвушекъ, которыхъ деліяне называютъ Гиперохою и Лаодикою; вмѣстѣ съ ними послали пятерыхъ мущинъ; теперь они называются перфереями и пользуются на Делѣ высокимъ почетомъ. Мнѣ лично извѣстенъ обрядъ, напоминающій обращеніе съ этой святыней, именно: фракійскія и пеонскія женщины не обходятся безъ пшеничной соломы при жертвоприношеніи Артемидѣ". „По словамъ Деліянъ еще раньше Гиперохи и Лаодики (умершихъ на Дѣлѣ и въ память ихъ дѣвушки и юноши стригутъ волосы) пришли на Делъ черезъ земли тѣхъ же народовъ дѣвушки отъ гипербореевъ, Арга и Опида, вмѣстѣ съ самыми божествами". Гипероха и Лаодика „явились съ данью для Ейлейфіи, наложенною ими на себя за ускореніе родовъ". „Сказаннаго о гипербореяхъ довольно. Не стану передавать басни объ Абаридѣ, который считается гипербореемъ". Такъ заканчиваетъ свою легенду Геродотъ. Въ ней обращаютъ на себя вниманіе, во первыхъ, какъ мы уже сказали, имена Лаодики, Опиды и Арги, указывающія на Ладогу и Скандзу; во вторыхъ, дѣвушки прибыли раньше со Скандзы и потомъ изъ Ладоги, что можетъ указывать, что переселеніе изъ Македоніи прибыло раньше на Скандзу; въ третьихъ—оракулъ Додоны находился къ югу отъ Янины и той мѣстности, о которой мы говорили, когда придавали окрестностямъ Волковійска и рѣки Роси названіе Ои или Вои; до нынѣ мѣстность въ Эпирѣ, гдѣ на картѣ показана Додона и Елейферохори, называется Царковица,

---

[1]) Мейербергъ, 20, рисунокъ 16.
[2]) Бранденбургъ, 13.
[3]) Спрогисъ. Словарь.
[4]) Геродотъ, I, 317; также говоритъ Діодоръ Сицилійскій (см. Латышевъ, I, 461).

вѣрояно Церковица; здѣсь же находимъ Плесу, Оличиху, Томаросъ, напоминающія Плесковъ, Псковъ, Ольгу и Тму. Затѣмъ Геродотъ говоритъ о пеонахъ и фракахъ, мы же знаемъ изъ Страбона (стр. 341), что „пеоны и въ древности и въ настоящее время владѣютъ большою частью нынѣшней Македоніи". Слѣдовательно, переселенцы въ Скифію, а также на Скандзу и въ Ладогу, были пеоны, или фраки. Страбонъ (стр. 333) поясняетъ, что Додонскій оракулъ первоначально былъ въ Скотуссѣ, городѣ Пеласгіотиды, и по приказанію Апполона перенесенъ въ Додону, послѣ того какъ священное дерево въ Скотуссѣ было кѣмъ-то сожжено. Скотусса, вѣроятно отъ слова „сколотъ" находилась на Стримонѣ, нынѣ Струма, около озера Тахино, о которомъ мы упоминали, говоря о Тихвинѣ новгородскомъ. Это указываетъ, что Додонскій оракулъ былъ отодвинутъ отъ славянъ ближе къ Греціи. Все сказанное позволяетъ допустить предположеніе, что поселенцы Скандіи и Ладоги сохраняли связь со своею родиною. Упоминаемый Геродотомъ, въ заключеніи разсказа, гиперборей Абаридъ напоминаетъ намъ еще третью гиперборейскую, т. е. сѣверную, окраину—Біармію или Пермь, въ которой арабскіе географы указываютъ городъ Абарку, о чемъ мы говоримъ ниже, въ главѣ XI; этотъ городъ относится Хвольсономъ къ мѣсту жительства руси. Біармія напоминаетъ вышеуказаннаго нами, по скандинавскимъ сагамъ, Біартрама, владѣтеля Альдейгобурга или Ладоги.

Ниже, когда мы выяснимъ мѣстоположеніе острова Скандзы, для насъ вполнѣ обрисуются четыре главнѣйшія торговыя направленія отъ береговъ Чернаго моря и отъ Дуная: къ нынѣшнему устью Нѣмана—это Скандза; къ устью Наровы и вообще къ углу Балтійскаго моря и Финскаго залива—это Псковъ и гирры Плинія, или позднѣйшая Гаррія, нынѣ Эстляндія; къ устью Невы—это Ладога и Новгородъ; и, наконецъ, къ верховьямъ Камы и Сѣверной Двины и къ Уральскимъ горамъ—это Біармія или Пермь. Многое указываетъ, что уже издавна эти концы были заняты скифами еллинскими, переселенцами преимущественно съ македонскаго Вардара на нашъ Варъ-Днѣпръ, и отсюда получившими названіе варяговъ.

Конечно и устья Вислы и все побережье на западъ должно было неминуемо подпасть подъ культуру еллиновъ и римлянъ, но объ этомъ мы не говоримъ, такъ какъ вопросъ этотъ не обслѣдованъ, лишь знаемъ, что нашъ лѣтописецъ говоритъ: „по сему же морю (Варяскому) сѣдять варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаляньски и до Волошьскые".

МОНЕТА ИМПЕРАТОРА ТРАЯНА, II ВѢКА ПО Р. ХР., НАЙДЕННАЯ ОКОЛО СЕБЕЖА, НА БЕРЕГУ РѢКИ ВЕЛИКОЙ, ИЛИ ПО ПТОЛЕМЕЮ, ТУРУНТА.

Глава VI.

Островъ Скандза—древняя Жомойтская земля (Росейны-Россіены)—Бавнонская Скифія.

У древнихъ писателей и географовъ островъ Скандза облеченъ не менѣе волшебнымъ туманомъ, какъ и упоминаемый въ пѣснѣ—балладѣ островъ Туле, Фуле[1]). Какъ о томъ, такъ и о другомъ въ общихъ чертахъ достаточно сказано у Мюлленгофа[2]). Здѣсь насъ занимаетъ лишь островъ Скандза, и мы будемъ говорить именно въ опроверженіе изысканій Мюлленгофа. Готскій историкъ Іорданъ (Іорнандъ), разсказывая[3]) легенду объ островѣ Скандза, ссылается на Птолемея, и дѣйствительно у послѣдняго мы находимъ астрономически опредѣленное положеніе острова Скандзы и перечисленіе живущихъ на немъ семи народовъ.

Въ книгѣ II, главѣ 11, гдѣ говорится о Германіи, Птолемей указываетъ и островъ Скандзу или Скандію, опредѣляя его положеніе къ сѣверу отъ устья Вислы, и именно въ такомъ положеніи и въ такомъ размѣрѣ, какъ это нанесено на прилагаемомъ чертежѣ. Народы на немъ показаны: на западѣ хедины, на югѣ гуты, дауціоны или давкіоны, на сѣверѣ финны, въ серединѣ левоны, на востокѣ фавоны и фирези. Уклонивъ на чертежѣ Птолемеевскій островъ къ юго-востоку, мы переносимъ его въ раіонъ горы Шатріи, окруженной низменною и болотистою полосою, такъ что весь этотъ раіонъ представляетъ собою какъ-бы островъ, что особенно рѣзко видно на гипсометрической картѣ генерала Тилло. Въ указанные Птолемеемъ размѣры Скандзы войдетъ площадь отъ устья Нѣмана-Руса, до Ковно, Поневѣжа, Шавель, средняго теченія Виндавы до Мемеля или даже Либавы. Кругомъ этой площади лежатъ низменности, названныя на картѣ Тилло Прусскою, Прибалтійскою, Курляндскою и Ковенскою долиною. Эта площадь носитъ названіе Жомойти, что собственно означаетъ „низменность“.

Насъ не должно удивлять то обстоятельство, что въ древности часть континента, хотя и окруженная низменностями, могла называться

---

[1]) Пѣсня Маргариты въ операѣ „Фаустъ,“ Гете.
[2]) Müllenhof — II 360. 10. 3, 6 и 41.
[3]) Іорданъ, 58.

островомъ. Мы имѣемъ тому, кромѣ Скандзы, еще два примѣра, а именно островъ Певке и островъ Тирагетовъ. Обоимъ Бруномъ посвящены особыя изслѣдованія[1]), изъ которыхъ видно, что древній островъ Певке соотвѣтствовалъ сѣверовосточной части нынѣшняго полуострова Бабадагскаго, т. е. гористой полосѣ земли, заключенной между Бабадагомъ, Исакчею, Тульчею и мысомъ Бештепе; островъ же Тирагетовъ между Тирою-Днѣстромъ и Кучурганомъ, соединяющимся съ Днѣстромъ нѣсколько верстъ выше Маякъ. Изъ этого видно, что наше утвержденіе о Скандзѣ не представляетъ ничего особеннаго. Наилучшимъ доказательствомъ вѣрности нашего предположенія служитъ та необычайная легкость, съ которою находятся на этомъ пространствѣ указанныя Птолемеемъ семь народностей острова Скандзы. Западные хедины объясняются Хейданами, южные гуты и дауціоны Гуденъ, Гелгудишками, Гуделями, Вензегола, рѣкою Дубиссою, Дагиле, Джавги; восточные фавоны и вирози—Певянами около р. Пивупись, Попелянами, Поневѣжемъ, около котораго также рѣка Пивеса; вирази напоминаютъ варязей, варяговъ и могутъ быть объяснены Ойраголой, нынѣ Эйрагола, Войра, Ойра въ Росенской волости (Россіены по-польски, Росейны—по древнему), или рѣкою Вардавою[2]), около Вилькомира находимъ Воржи, Своржаны, Воржогили, Воровики, Вориланцы; сѣверные финны, или вѣрнѣе венны выражаются рѣкою Виндавою, р. Вентою, Ужвентами; и средніе левоны—Лавковымъ, Ловмяны, Лавкосады, Либавою. Работы Спрогиса и Крживицкаго[3]) по изслѣдованію древней Жомойтской земли представляютъ для изучающихъ русскую старину высокій интересъ. Значеніе этихъ работъ возрастаетъ еще въ большей степени съ совмѣщеніемъ древняго острова Скандзы и его легендъ съ Жомотью. Съ острова Скандзы, разсказываетъ Іорданъ, около 90 г. по Р. Хр. прибылъ на двухъ корабляхъ Беригъ, Берихъ, со своими готами къ устью Вислы[4]). Съ этого времени началось развитіе готскаго могущества и начался рядъ готскихъ династовъ, между которыми мы находимъ Авгисъ, Амалъ, Валамиръ, Чудимеръ, Видимиръ, Беремудъ, Амалфрида, Амалсвента, Матесвента, Филимеръ, Ретемеръ, Чудисъ[5]), напоминающихъ наши лѣтописныя имена, а Авгисъ—селеніе Жомоитской земли—Авгишки въ Повонденской волости, а Амоли—въ бержанской волости, можетъ быть одноименной Беригу и вышеупомянутымъ Птолемеемъ вирезямъ. Это рядъ еще необслѣдованныхъ вопросовъ. Еще Костомаровъ, въ своихъ Сѣверноруссскихъ народоправствахъ[6]), устанавливаетъ, что многія имена пришельцевъ-варяговъ, сохранившіяся въ договорахъ Олега и Игоря, представляютъ сходство съ собственными именами людей и мѣстностей литовскаго мира, и приводитъ тому цѣлый рядъ примѣровъ.

---

[1]) Брунъ, I, статьи „Островъ Певки,“ и Островъ Тирагетовъ и греко—латинскаяя надпись, найденная въ селѣ Коротномъ.

[2]) Спрогисъ. Географическій словарь древней Жомойтской Земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда архиваріусомъ Виленскаго Центральнаго Архива Ив. Як. Спрогисомъ. Вильна. 1888. Къ югу отъ Двинска мы находимъ Феблянова, какъ бы Фавоне.

[3]) Л. Крживицкій Жмудскіе пилькальнисы. съ 41 рисункомъ. Спб. 1908. Отдѣльный оттискъ изъ "Извѣстій Импер. Археолог. Комиссіи„ вып. 29. Отъ слова Жомойть можно допустить произношеніе Гомойть; мы встрѣчаемъ въ числѣ пословъ Игоря-Гомола, городъ Гомель, въ Дакій рядъ названій Гомородъ.

[4]) Іорданъ, 60. Приск говоритъ, что по лѣвую руку Атилы сидѣлъ Верихъ, знатный вельможа въ Скифіи. Вспомнимъ гору Беруту, Бируту около Мемеля.

[5]) См. рядъ именъ у Іордана, 142 и 145.

[6]) Костомаровъ, I, 27.

Даже самое названіе острова Скандза, Скандія, сохранилось въ названіяхъ многихъ селеній, напр. Скадвиле, почти въ серединѣ очерченной нами Скандзы, Скандингъ около Риги, Кандава къ с. з. отъ Туккума[1]), Скандау и Скандлакъ къ ю. и ю. в. отъ Гердауена, Скайскиренъ и Скандздубъ около Филипово. Сѣверный берегъ Нѣмана-Русы, противъ Тильзита, въ 1771 г., носилъ названіе Скалвіи. Изучающій Іордана можетъ убѣдиться, что онъ, сославшись на Птолемея и этимъ слѣдовательно обусловивъ размѣры острова Скандзы, самъ того не замѣчая, все болѣе и болѣе раздвигаетъ предѣлы острова, что уже одно можетъ служить доказательствомъ, что полъ островомъ Скандзой не понимался морской островъ.

Іорданъ, на востокѣ острова находитъ обширное озеро и рѣку Ваги, вѣроятно Неву; затѣмъ онъ называетъ рядъ народностей: адогитъ, что мы, какъ уже говорили выше, считаемъ за Ладогу; скрере, фенны, здѣсь надо видѣть скировъ (sciris), упоминаемыхъ Плиніемъ[2]) и венновъ или венедовъ Птолемея; скировъ мы находимъ въ цѣломъ рядѣ селеній въ Жомойти, имѣющихъ корень „Скир“, и особенно въ Скирстомонской волости, имѣвшей королевскій городъ надъ р Нѣманомъ, Скирстомоны, нынѣ Скертымо, къ в. отъ Юрбурга, и Скирвитъ, рукавъ Нѣмана-Руса, гдѣ селеніе Руссъ. Іорданъ называетъ свеановъ, тыринговъ, вино-вилотовъ, светидовъ, дановъ, геруловъ. Въ р. Вилію впадаетъ р. Свента, длиною болѣе 150 вер., отъ ея истока въ направленіи Двинска мы находимъ озеро Свентенъ, отъ него къ югу озеро Дрисвяты, къ ю. з. Свенцяны, Свенторесъ, Швинта, однимъ словомъ обширная полоса мѣстности покрыта названіями на „Свентенъ“, „Святое, и вотъ здѣсь мы считаемъ мѣстожительство свеановъ. Отмѣтимъ также три Суене около Россіенъ. Мы думаемъ, отсюда были свеоны—рось, ходившіе въ 839 г. къ Людовику Благочестивому, по извѣстію Бертинскихъ лѣтописей[3]). Въ Птолемеевское время эта земля, вѣроятно, называлась землею „оссіевъ“, отъ Оссы, озера и города (нынѣ Ново-Александровскъ), Осовиты, что, какъ мы ниже увидимъ, образуетъ полный торговый маршрутъ отъ Птолемеевскихъ „вельтовъ“ черезъ оссіевъ къ пагиритамъ, т. е. отъ Вильно, черезъ Ново-Александровскъ и Двинскъ, къ Пажиричамъ и далѣе къ озеру Ильменю. Іордановскихъ тыринговъ мы видимъ въ той мѣстности, которую мы называемъ Турунтовскою волостью по извѣстіямъ XVI вѣка, и гдѣ, по нашему мнѣнію показана Птолемеемъ рѣка Турунтъ, это въ окрестностяхъ Невеля. Если мы здѣсь добавимъ, что въ Іордановскихъ „вино-вилотахъ“ слѣдуетъ видѣть „вендовельтовъ“ Птолемея, то для насъ обрисуется поразительное сходство маршрутовъ Птолемея и Іордана: у перваго—венеды-вельты-оссіи-аорсы-пагириты, у втораго—вино-вилоты-свеаны-тыринги, по нынѣшнему—Вильно-Вилейка-Свенцяны-Оссы (Ново-Александровскъ)-Невель (Турунтъ)-Ново-Ржевъ (Аршо)-Пажири-

---

[1]) Кандавію находимъ у Страбона, 326, въ Македоніи, около озера Охридскаго.

[2]) Плиній, 187. Здѣсь же Плиній говоритъ о гирахъ, (hirris) и въ той же Жомойти мы находимъ много селеній, начинающихся на „Гир„ и въ устьяхъ р. Нѣмана-Руса-Шишгиренъ. Но скорѣе это Гаррія-Эстляндія и Ингрія. Вспомнимъ Скирію, упомянутую нами въ главѣ IV

[3]) Иловайскій, 272.

[4]) Такое сходство (еще Люли Жомойское схоже съ Люли Албанскимъ) еще болѣе подтверждаетъ заключеніе Кочубинскаго, въ статьѣ Литовскій языкъ и наша старина (Труды IV арх. съѣзда въ Вильнѣ. Москва 1895, т. I.,) стр. 94, что какъ на сѣверѣ Литва, такъ на югѣ другой аріецъ—албанецъ, должны быть подвергнуты всестороннему изученію.

чи-озеро Ильмень. Іордановскіе „светиды“ могли-бы быть указаны какъ жители „Свитецкаго“ острова, нынѣ Борнгольма, но проще, и согласнѣе съ основною мыслью Іордана, видѣть ихъ, вмѣстѣ съ герулами, въ Жомойти, т. е. на островѣ Скандзѣ, въ имени рѣки Светы въ Полонговской волости (нынѣ Полангенъ), а геруловъ въ Герули, Герулы, Геруля, Герулисъ, Герульскомъ полѣ, сконцентрированныхъ въ Тверской и Тельшевской волостяхъ, „гостинецъ идеть зъ Кгерульо до Лукникъ“. Даны—выражаются рѣкою Данча и селеніемъ Данги въ Видуклевской волости, кромѣ многихъ другихъ съ корнемъ „Дан“. Мы пріурочили дановъ къ Данчѣ и Данги потому, что на македонской картѣ мы видимъ рядомъ Скирію и Дангли, и здѣсь, въ Жомойти, мы находимъ рядомъ вышеуказанное нами Скерстымо и Видуклевскую волость съ Данги[1]); здѣсь же Дунаки. Это какъ-бы служитъ указаніемъ, что какъ въ Старую Руссу, такъ и въ Жомойть, въ окрестности Росейнъ, нынѣшнихъ Россіенъ, македонская колонизація пришла изъ двухъ смежныхъ земель, къ югу отъ которыхъ былъ знаменитый въ древности оракулъ въ Додонѣ. Ниже мы вернемся къ этому вопросу.

Выше мы приравняли Іордановскихъ „вилотовъ“ къ Птолемеевскимъ „вельтамъ“, которые, по Птолемею, „занимаютъ побережье океана у Венедскаго залива“. Разбирая наименованія „вино“, „вилоты“ и „вельты“ по труду Спрогиса, мы находимъ Веленскую волость, причемъ мостъ на Виліи названъ „Велейскій“, въ этой же волости—Винкшпуля рѣчка, Вени въ Корклянской волости, Вейлате въ Дырвянской, Вилойти въ Крожской и въ Росейнской волостяхъ, Вильня и Вильна. Изъ этого мы заключаемъ, что у Птолемея подъ „вельтами“ понимался раіонъ отъ Велены до Вильны; въ этомъ же объемѣ понималъ „вино“ или „вен-вилотовъ“ и Іорданъ. Вспомнимъ, что въ нѣмецкихъ источникахъ 1697 г. Вильна называется „Вильда“. Въ вопросѣ о вельтахъ или велетахъ мы сталкиваемся съ загадочнымъ въ нашей исторіи вопросомъ о „волотахъ (иногда велетахъ)“, какъ напр. Волотова могила, по Кн. Бол. Черт., Волотово или Волитово городище, Волотея-рѣчка, Волотово урочище, гдѣ похороненъ Гостомыслъ.

Такъ для насъ выяснилась одна часть народностей, перечисляемыхъ Іорданомъ. Другая часть представляетъ ничто иное, какъ перечень этапныхъ пунктовъ торговыхъ маршрутовъ или „великихъ гостинцевъ,„ какъ это въ древности называлось въ Жомойти[2]). Напримѣръ: „граннііи, авгандзи, эйникси, таетель, руги, ароши, раніи“, совершенно подходитъ къ маршруту Гродно (около него Грандичи), Августовъ, Янишки, Таено, Райгродъ, Арисъ, Райнъ; Янишки, что мы предполагаемъ образовавшимся изъ Эйникси, не имѣется на картѣ въ направленіи на Таено, но это ничего не опровергаетъ изъ сказаннаго нами: этотъ пунктъ, при сходствѣ другихъ, могъ исчезнуть или переименоваться въ теченіи 15 столѣтій. Райгродъ по древней прусской хроникѣ[3]) Ви-

---

[1]) Кн. Черт. 44. 113, 160, 239. Въ Львовской лѣтописи (Сборникъ Погодина III, 255) сказано подъ 1637 г. „такъ тѣжъ изъ Волохъ чутно было о якомись мужу о велетѣ, же мовитъ, у господаря волоского на банкетѣ носилъ веролюда на едни руцѣ, а великій, мовитъ барзо, а лѣтъ му 18“. Этотъ вопросъ нуждается въ болѣе полномъ изслѣдованій. См. стр. 79 нашего изслѣдованія объ Александровыхъ алтаряхъ иДонской Бесѣдѣ въ „Древне-рус. воен. повѣстья“, вып. I, и здѣсь главу VII.

[2]) См. Спрогиса, почти на каждой страницѣ.

[3]) Wigand 105.

ганда названъ Rongard, Rogard, въ нашей лѣтописи онъ упоминается какъ Рай[1]).

Слѣдующій Іордановскій гостинецъ-маршрутъ указанъ на тейсты, theustes, ваготъ, vagoth, бергіо, bergio, халлинъ, hallin, ліотида, liothida, и выражаегся въ пути отъ Тчево, т. е. Диршау, на Вагтенъ, около Вормдита, на Хейльсбергъ (могло быть Брегъ), на Гр. Келленъ, Шелленъ, т. е. гдѣ была Галиндія (по картѣ 1771 г.) къ Летцену. Поразительна почти одинаковая длина этапа, отъ 30-50 вер. Мы должны принять во вниманіе нѣмецкое искаженіе: напр. мы знаемъ навѣрное, что подъ р. Лекомъ скрывается р. Олегъ, названная такъ въ лѣтописи[2]). Какъ можно видѣть, этотъ гостинецъ служитъ продолженіемъ пути Гродно на Райнъ и, слѣдовательно далѣе къ Данцигу, Гданску, отъ котораго Іорданомъ и заливъ названъ Коданскимъ[3]). Какъ-бы изъ лежащаго къ сѣверу отъ Гродно Мереча или изъ Олиты выходитъ гостинецъ mixi, evagre, otingis что мы считаемъ на Микице, Микоболе, Манкупы, Манкунеле, все въ одной группѣ, на Вигры на большомъ озерѣ Вигры, къ Ешенъ, Юша, Юха, т. е. выходимъ на Летценъ или Ліотиду. Слѣдующій маршрутъ ostrogothae, raumarici, aeragnaricii, finni mitisimi, выражается въ пути отъ Остравишки, большой лѣсъ между Алленштейномъ и Инстербургомъ, и отъ Гр. Роминтенъ, около Гольдапа, на р. Роминте, на Рагнитъ (Рогнѣда), къ Войнуши, Ваначе, Веначе. Сюда же подходитъ гостинецъ ahelmil, finnaithae, fervir, gauthigoht, т. е. Атматъ, устье Нѣмана-Русса, Венаге, Вевержаны и въ Медынгяны, гдѣ есть Гаютъ-пявнисъ (см. у Спрогиса) на пути въ Тельши, можетъ быть Телючъ, упоминаемый Константиномъ Багрянороднымъ. Тельши и Тильзитъ, лежащіе почти въ томъ же маршрутѣ Атматъ-Гаютиготъ, одинако удовлетворяютъ, какъ мы уже говорили въ главѣ II, возможности сплава по Нѣману къ Нѣмограду, т. е. къ Гродно.

Въ прусской Chronicon seu Annales Wigandi Marburgensis (изд. Познань 1842 г.), сказано, что въ 1341 г. крестоносцы построили на прусской землѣ три широкія дороги со рвами до земли литовской для лучшей борьбы съ литвинами и русами[4]), и мы видимъ, что эта борьба сосредоточилась главнымъ образомъ около Гродно, Веленъ и Рагнита. Слѣдовательно, можемъ заключить, что крестоносцы только возстановили Іордановскіе гостинцы, о которыхъ, какъ мы уже говорили, такъ много упоминаній въ трудѣ Спрогиса.

Садовскій, въ своемъ изслѣдованіи торговыхъ путей грековъ и римлянъ[5]), указываетъ на то, что въ древности Кенигсбергъ могъ лежать на большомъ островѣ, образуемомъ Прегелемъ и его рукавомъ Дайма, т. е. Садовскій допускаетъ такое же предположеніе, какое нами сдѣлано о Скандзѣ. Далѣе Садовскій намѣчаетъ рядъ путей, которыми торговые люди греческаго и римскаго міра стремились къ побережью Балтійскаго моря, которое Тацитъ[6]) описываетъ, какъ море тихое и почти неподвижное; оно опоясываетъ и замыкаетъ кругъ земной, что

---

[1]) Ипат. 549, 593, 596.
[2]) Ипат. 539.
[3]) Іорданъ, 58.
[4]) Wigand 59.
[5]) Sadowski. Die Handelsstrassen der Griechen und Römer. Jena 1877, стран. 27.
[6]) Тацитъ 249.

свѣтъ заходящаго солнца остается опять до его восхода, и въ такомъ блескѣ, что звѣзды меркнутъ. Общее убѣжденіе присоединяетъ къ этому, что слышатся звуки, видны бываютъ подобія боговъ и лучи надъ головою. Здѣсь живутъ эстіи[1]). Они производятъ поиски даже въ самомъ океанѣ, и только они одни собираютъ по мелководнымъ мѣстамъ и на берегу янтарь, который они сами называютъ *глезомъ*[2]). Какъ дикари, они не занимаются изученіемъ и не знаютъ ничего вѣрнаго какъ родится янтарь, и вслѣдствіе какихъ причинъ. И долго онъ валялся среди другихъ веществъ, выбрасываемыхъ моремъ, пока наша (т. е. римская) роскошь не придала ему значенія; а имъ на какую потребу. Въ необработанномъ, грубомъ видѣ собираютъ его и безъ всякой обдѣлки доставляютъ, и сами съ удивленіемъ принимаютъ за него деньги. Впрочемъ легко понять, что это древесный сокъ, потому что нѣкоторыя земнородныя животныя, и даже пернатыя очень часто тамъ сквозятъ; попавъ разъ въ жидкость, они остаются тамъ, когда она мало-по-малу твердѣетъ. Вслѣдствіе этого я полагалъ-бы, что какъ на отдаленномъ Востокѣ есть деревья, такъ и на островахъ и земляхъ Запада есть обильныя произведеніями рощи и лѣса. И тутъ, подъ вліяніемъ сильнаго дѣйствія лучей солнца, находящагося въ близкомъ разстояніи, вытекаетъ жидкость и стекаетъ въ находящееся недалеко море, и силою бури выбрасывается на противоположный берегъ. Если станешь испытывать свойство янтаря, поднеся его къ огню, то онъ горитъ какъ смолистое дерево и даетъ пламя сильное и пахучее, а потомъ тянется въ видѣ смолы или вара“.

И такъ янтарь былъ предметомъ торговли на Балтикѣ. Плиній Секундъ также упоминаетъ объ янтарѣ[3]), повѣствуя, что „пройдя чрезъ Рифейскія горы[4]), плыть влѣво вдоль берега Сѣвернаго океана“... „въ этихъ мѣстахъ есть, какъ говорятъ, нѣсколько безыменныхъ острововъ, изъ коихъ одинъ, по словамъ Тимэя, лежитъ на разстояніи дня пути отъ такъ называемой Бавнонской Скифіи, и на него въ весеннее время выбрасывается волнами янтарь. Остальные берега отмѣчаются въ разсказахъ, какъ неизвѣстные. Здѣсь Сѣверный океанъ; Гекатей называетъ его Амалхійскимъ отъ рѣки Парапаниса на всемъ пространствѣ, гдѣ онъ омываетъ Скифію; это названіе на языкѣ туземцевъ значитъ „замерзшій“. Филимонъ говоритъ, что у кимвровъ онъ называется Моримарусою, т. е. мертвымъ моремъ, оттуда до мыса Русбія, а далѣе—Кронійскимъ. Ксенофонтъ Лампсакскій передаетъ, что на разстояніи трехъ дней плаванія отъ Скифскаго берега лежитъ островъ Балція (Balciam). Упоминаются также Эонскіе острова, на которыхъ жители питаются птичьими яйцами и злаками, и другіе, на которыхъ родятся люди съ лошадиными ногами, называемые иппоподами (коненогими)[5]), а также другіе острова Фанесійцевъ, у которыхъ огромныя уши прикрываютъ все обнаженное ихъ тѣло“.

---

[1]) Объ Эстіяхъ мы скажемъ ниже, въ главѣ VII.

[2]) Ипат. лѣтопись, 199, разсказываетъ, какъ подъ Ладогой, послѣ дождя, находили „глазки стекляныи“.

[3]) Плиній 186; Латышевъ II, 176.

[4]) Подъ Рифейскими горами мы понимаемъ Валдайскія, о чемъ скажемъ ниже.

[5]) Миллеръ приводитъ рисунокъ съ древней карты, на которомъ видно человѣка, бѣгущаго на лыжахъ: „Gansmir super egeas currit“, что и могло подать поводъ называть „коненогими“, вспомнимъ нынѣшнее слово „коньки“, кататься на конькахъ.

Для выясненія Бавнонской Скифіи обратимся снова къ Іордану[1]). Онъ намъ разсказываетъ, что равный по славѣ Александру Македонскому готскій царь Эрманрикъ, изъ рода Амаловъ, владѣлъ народами гольтескифами, тіудосъ, инаункси, васина, бронкасъ, меренсъ, морденсъ, имнисъ, карисъ, рогасъ, тадзансъ (тазансъ), атауль (ацауль), навего, бубе, женасъ, кольдасъ[2]). Мы видимъ эти народы въ названіяхъ: голядь-скифы[3]) или Птолемеевскіе галинды или Галиндія (между Алленштейномъ и озеромъ Шпирдингъ) или Голядь въ широкомъ смыслѣ: Земгола, Летгола. Далѣе—чудь, иннуиты[4]), весь, броны, Бронницы къ в. отъ Новгорода, меря, мордва, ямь и емь, корела, рѣка Рогисъ около Коршова или Рогервикъ, теза, на р. Тезѣ, Ошела или Очела, на которую былъ походъ въ 1111 г. князя Мстислава[5]). Затѣмъ нево при озерѣ Нево, въ Кн. Бол. Черт.: „езеро Нево, а Ладожское тожъ"; наименованіе „навего" наводитъ на мысль, что рѣка Нева и названа у Іордана „Ваги", съ отсѣченіемъ „на", и что Новгородъ получилъ имя отъ „Нево". Потомъ идутъ бубе, женасъ и кольдасъ, нынѣ Бубье около Шавель; по словамъ Крживицкаго[6]), въ Бубьяхъ существовалъ священный огонь и сохранился пилькалнисъ—жмудскія городища; хотя въ Жомойти имѣются Женгринды, Женкишки, Гендзягола, Геневъ, Гинчайче около Россіенъ, гдѣ имѣется городище, но здѣсь скорѣе надо читать „жемасъ", т. е. Жемигола около Видукли (къ з. отъ Россіенъ); а кольдасъ—Кольтеняны около Коршова или Колывань (Ревель).

Рѣками этого раіона Европейской Сарматіи Птолемей называетъ Вистулу, къ востоку отъ нея Хроносъ или Кроносъ, затѣмъ Рудонъ или Рубонъ, еще къ востоку Турунтъ, потомъ Кесинъ или Херсинъ. Плиній же[7]) называетъ Гуталусъ, Вискулусъ или Вистла, Альбисъ, что есть Эльба; слѣдовательно Плиній къ востоку отъ Вислы помѣщаетъ еще Гуталусъ. Птолемей опредѣляетъ астрономически лишь устья указанныхъ имъ пяти рѣкъ. Марціанъ Гераклійскій[8]), писатель около 400 г. по Р. Хр., называетъ Вистулу, Хрони, Рудонисъ, и указываетъ, что эти рѣки впадаютъ въ заливъ Вендикумъ, который начинаются у Вислы, простираясь на огромнѣйшее пространство. Затѣмъ за Рудонисъ показаны Турунтъ и Хесинъ-Херсинъ, а за нимъ неизвѣстный Гипперборейскій океанъ и страна Гипербореевъ неизвѣстная. На Хесинѣ живутъ агатырцы или сіагатурги или агатосы, и Хесинъ и Турунтъ вытекаютъ изъ Рифейскихъ горъ, откуда и Танаисъ. Рудонъ течетъ съ Аланскихъ или Алаунскихъ горъ, съ которыхъ выходитъ и Борисфенъ.

Если мы, основываясь на Птолемеѣ, нанесемъ по астрономическимъ даннымъ на карту устья рѣкъ Вислы, Кронъ, Рудона, Турунта и Херсина, то получимъ устье Вислы около Остероде, Крона, около устья р. Шары, Рудона около Лепеля, Турунта около Великихъ Лукъ, Хер-

---

[1]) Іорданъ, 88.

[2]) Grienberger. Ermanriksvölkfr, Zeitschrift D. Alterthum. Berlin 1895. Здѣсь Гринбергеръ пытается доказать, что это не перечень народовъ, а отрывокъ готскаго эпоса. Но здѣсь много натяжекъ.

[3]) По Далю, „голдовникъ" -поселенецъ на чужой землѣ, вассалъ.

[4]) См. выше, глава V; или это Инавга въ Жомойти, или же иггаунисъ, какъ латыши называютъ эстовъ.

[5]) Костомаровъ, II, 404.

[6]) Крживицкій, 125.

[7]) Плиній, 188.

[8]) Geogr. minores, I, 559; Латышевъ, I, 250.

сина около Осташкова. Такъ какъ устье Вислы легло отъ дѣйствительнаго въ ю. в. направленіи, то настолько перенесемъ его въ с. з. направленіи, и настолько же какъ Вислинское устье и также въ с. з. направленіи передвинемъ устья Крона, Рудона, Турунта и Херсина, и увидимъ, что Кронъ ляжетъ на Нѣманѣ около Олиты, Рудонъ около Двинска на Двинѣ, Турунтъ около Опочки на р. Великой, и Херсинъ на р. Ловати или около озера Ильменя, какъ-бы около Коростена. Отсюда можно заключить, что Кронъ—это Нѣманъ или какъ-бы Гродна, Гродненка; Рудонъ или Рубонъ—это Двина, отъ встрѣчающихся на ней часто селеній съ именемъ Рубежъ; Турунтъ—это р. Великая, и далѣе, какъ ея продолженіе Чудское и Пейпусъ озера и р. Нарова; Херсинъ[1]) —это, какъ говоритъ наша лѣтопись, „ввѣрхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь въ озеро великое Нево, и того озера внидетъ устье въ море Варяское“, т. е. „путь изъ Варягъ въ Грекы“, и часть этого пути отъ Ловати до Невы называлась, вѣроятно, Херсинъ или Коростенъ, какой пунктъ сохранился на южномъ берегу Ильменя, и, вѣроятно, одного корня со словоми Хорсъ, „великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше“, говоритъ Слово о полку Игоревѣ. О Турунтѣ мы можемъ добавить замѣчательное совпаденіе: на составленной Оглоблинымъ картѣ Полоцкаго повѣта во второй половинѣ XVI вѣка[2]), какъ разъ въ раіонѣ намѣченнаго нами, по астрономическимъ свѣдѣніямъ Птолемея, устья рѣки Турунта, близко отъ Великихъ Лукъ, Опочки, а именно къ ю. з. отъ Невеля, мы находимъ волость „Турунтовскую“, въ верховьяхъ р. Полоты и почти у верховьевъ р. Великой. Если мы примемъ во вниманіе, что лѣтопись говоритъ: сѣлъ „Труворъ въ Изборсце“, что на р. Великой мы находимъ Турову гору, что на македонской картѣ около Крчева въ одномъ и томъ же раіонѣ встрѣчаются рядъ именъ Турье планина, Туріе и тутъ же р. Велика и сел. Изворъ, то является мысль, что имена Турунтъ, Турова гора, Труворъ, Изворъ, Великая, и какъ мы выше говорили (см. главу V) Изборскъ и Славянскіе ключи связаны какою-то древнею, еще временъ Птолемея, легендою, которая, смѣшавшись съ легендою Іордана о приплытіи готовъ Бериха на двухъ корабляхъ, и дала основу нашей легендѣ о Рюрикѣ. Если все сказанное нами о Кронѣ-Нѣманѣ, Рубонѣ или Рудонѣ-Двинѣ, Турунтѣ-Великой, Херсинѣ-Коростенѣ-Ловати-Волховѣ, близко къ истинѣ, то какъ-бы ошибочное указаніе Птолемеемъ устьевъ Нѣмана у Олиты, Двины у Двинска. Великой у Опочки или ниже, Ловати-Волхова у Ильменя объясняется тѣмъ, что островъ Скандза, т. е. нынѣшняя Жомойть, при составленіи карты заставилъ Птолемея отнести морской берегъ болѣе на востокъ, это во первыхъ, а во вторыхъ—эти рѣки, очень вѣроятно, нанесены Птолемеемъ изъ

---

[1]) Хесинъ или Херсинъ можетъ объясняться также изъ Хассія, мѣстность къ югу отъ Віа, Гревены и Чурикли (пѣсня о Чуриловичѣ), къ востоку отъ Пиндъ планины. Хесинъ, какъ и Турунтъ, что мы увидимъ ниже, могутъ означать не рѣки, а систему воднаго пути.

Мы не забыли рѣки Хазау, впадающей въ Балтику южнѣе Виндавы, но она не подходитъ къ положенію Хезина, также какъ обширное болото Тируль, къ ю. отъ Риги, къ положенію Турунта. Много соблазна считать Херсинъ какъ Двину, помятуя Герсике, Герцике или Царьградъ, укрѣпленный городъ полоцкихъ князей на Двинѣ, ниже Двинска, упоминаемый подъ 1209 и 1214 г. г., о которомъ подробно сказано, съ планомъ мѣстности А. П. Тыртовымъ, на стран. 225 Трудовъ Вилен. отдѣленія Москов. предв. ком. по устр. въ Вильнѣ IX Арх. съѣзда. Вильна. 1893

[2]) Оглоблинъ. Объяснительная записка къ картѣ Полоцкаго повѣта (во второй половинѣ XVI вѣка), въ книгѣ III Сборника Археологическаго Института. Спб. 1880.

сухопутныхъ маршрутовъ, а не изъ астрономическаго наблюденія, а потому и взяты тѣ участки, которые именно встрѣчаются на вышеобъясненномъ нами Птолемеевскомъ маршрутѣ вельты-Олита, Вильно, оссіи--Ново-Александровскъ, Двинскъ, аорсы—Опочка, Ново Ржевъ, пагириты—Пажиричи; савары - Сѣвера, боруски—Порусья и Коростень.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о Рубонѣ. Если считать Рудонъ Рубономъ и Двиною[1]), то находимъ селенія Робежъ между Ригой и Фридрихштадтомъ, Рубежъ выше Креславки, Рубежъ ниже Уллы, Руба выше Витебска. Кромѣ того, въ руслѣ р. Двины сохранились, почти на всемъ протяженіи рѣки, большіе камни, съ надписью, „Боже, помози рабу твоему Борису". Назначеніе этихъ камней, какъ и Рогволодова камня, 1171 года, около Орши, въ 1/2 вер. отъ Дятловки, „помози Василію въ крещеніи именемъ Рогволоду сыну Борисову", и Тмутараканскаго 1068 года Глѣбова камня, „Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмуторокана до Керчева 8054 саже.", не поддается объясненію[2]).

Выше мы видимъ у Плинія рѣку Гуталъ или Гуфалъ, и островъ Балцію или Василію, и наконецъ Бавнонскую Скифію. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе, мы можемъ отмѣтить рѣку Гуталъ какъ нынѣшній Прегель, Пре-гола, Прего-лядь, голта, на его притокахъ стоятъ Гуделенъ, Гуддатшенъ, Гутштадтъ (на Алле), и на этой рѣкѣ слѣдуетъ помѣстить Птолемеевскихъ гитоновъ-гутоновъ, готовъ, показанныхъ къ востоку отъ Вислы. По словамъ Тацита „готины, подъ управленіемъ царей, хотя и болѣе строгимъ, чѣмъ у другихъ германскихъ (здѣсь не надо понимать нѣмцевъ) народовъ, но не совсѣмъ не совмѣстнымъ со свободою"[3]). Подъ островомъ Балція мы понимаемъ тотъ же островъ Скандзу, хотя о немъ Плиній говоритъ отдѣльно.

Подъ Бавнонской Скифіей, по всѣмъ признакамъ, надо понимать Жомойть или островъ Скандзу въ широкомъ смыслѣ, отъ Вислы и до устья Невы, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ Іорданъ перечисляетъ народы Эрманриха, о которыхъ мы говорили выше. Самое имя Бавнонской Скифіи, по нашему мнѣнію, произошло отъ Іордановскаго названія Бубе, а отъ него нынѣшнія Бубье около Шавель, озеро Пейпусъ, Бабигонъ противъ Кронштадта, Папингонъ къ с. отъ Янины въ Эпирѣ; видимо, что названіе Бубе захватило большой раіонъ. Слѣдующее у Іордана за Бубе наименованіе Женасъ или Генасъ, Гентасъ, можетъ быть приближено, какъ мы уже говорили, или къ Жомойти, или къ Геневѣ, Генжи, Генчишки, Генайци, по новѣйшей работѣ Крживицкаго[4]), городище къ с. в. отъ Россіенъ. Почти здѣсь же, къ ю. в. отъ Россіенъ, Крживицкій находитъ городище Рачкишки, на лѣвомъ берегу Дубиссы, напротивъ двора Довгирдова, и въ этомъ городище видитъ древнюю столицу Миндовга, Воругу или Вруту, упоминаемую въ нашей лѣтописи[5]), и напоминающую Вручій или Овручъ въ Древлянскомъ

---

[1]) Р. Рудены находимъ въ Дирвянской волости, въ Жомойти; Рудяны на р. Виліи, около Скоруль.

[2]) См. наши Древне рус. воен. пов., I, 109; Сапуновъ. Витебская Старина; Труды перваго археол. съѣзда въ Москвѣ, I, LXXI—о Рогволодовѣ камнѣ, LXXIII—о Двинскихъ камняхъ, найдены у Полоцка, Дисны, Друи, Ашерадена.

[3]) Тацитъ, 249.

[4]) Krzywicki. W poszukiwaniu grodu Mendoga, 46.

[5]) Ипат., 543.

княжествѣ[1]), Веручи, днѣпровскій порогъ у Константина Багрянороднаго[2]), Ворсклу Полтавскую, городъ Веръ, въ Македоніи, на Доксѣ планинѣ, что намъ напоминаетъ Птолемеевскихъ „дауксіоновъ“ на островѣ Скандзѣ и которыхъ мы намѣтили въ названіи р. Дубисы, Даубисы, тѣмъ болѣе, что на Дубисѣ, около Эйраголы, Ойраголы или Войраголы, мы находимъ два селенія Верадовъ. Возникаетъ вопросъ не есть-ли это Ворута и „вирязи“ Птолемея? Гентасъ, Жентасъ, а съ нимъ и Бубье, нынѣ стоящее на торговомъ шоссе, около Шавель могли имѣть важное значеніе. Разъ мы и нынѣ оффиціально именуемъ въ военномъ отношеніи эту мѣстность Риго-Шавельскимъ раіономъ, что все равно какъ Риго-Бубевскій, то и преждѣ она могла называться Бубнонскою, Бавнонскою Скифіею. Въ высокой степени интересныя разысканія Крживицкаго о жмудскихъ пилькалнисахъ[3]), показываютъ всю Жомойть покрытою городищами или пилькалнисами отъ глагола pilti (сыпать)[4]), а kalnas—гора. Такія городища найдены у Бакайни, Бейсаголы, Билоны, Бубье, Бурбайце, Гейголе, Гегужкальнисъ, Януляйце, Юргайце, Ивангяны, Юшкайце, Кальварія, Корцяны, Лейбишки, Лопонье, Мелвіагола, Міеги, Папилане, Пелянишки, Пиляны, Погирждуце, Попеляны, Селяны, Кудины, Вильже, Водаге, Ведеры. Это указываетъ на древнюю населенность Бавнонской Скифіи, лежавшей на такихъ путяхъ собщенія, какъ Висла, Нѣманъ, Двина и море, „по хребтамъ рѣкъ догонишь“, говоритъ древній римскій поэтъ[5]), что вполнѣ оправдываетъ слова Іордана[6]): „ex hac igitur Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum“. Спрогисъ, въ своемъ географическомъ словарѣ, объясняетъ, что Жомойть, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: земля низменности, низовье, и ея главнымъ городомъ были Росейни (по польскому произношенію Россіены), названные въ актѣ XVIII столѣтія „столичнымъ судовымъ королевскимъ городомъ Жомойтскаго княжества“. Хвольсонъ, въ своемъ переводѣ арабскаго писателя Ибнъ-Даста[7]), указываетъ, что русь живетъ на Вабія, островѣ, окруженномъ озеромъ, лѣсистомъ и болотистомъ, простирающемся на 3 дня пути, что Хвольсонъ считаетъ около 100 верстъ. Не есть-ли отвергаемое Хвольсономъ названіе Вабія—Бубье, Бавнонская Скифія, островъ Скандза, имѣющій діаметръ въ 120—200 верстъ. Ниже мы приведемъ въ цѣломъ видѣ весь разсказъ Ибнъ-Даста.

Птолемей говоритъ: „затѣмъ побережье океана у Венедскаго залива занимаютъ вельты, выше ихъ оссіи, затѣмъ - самые сѣверные—карбоны, восточнѣе ихъ—кареоты и салы; ниже этихъ—гелоны, ипподы и меланхлены“; „ниже венедовъ—галинды, судины и ставаны до алановъ; ниже ихъ—игилліоны“. Галиндія уже выяснена[8]) какъ лежавшая въ окрестностяхъ нынѣшняго Ортельсбурга; Судавія—мѣстность въ раіонѣ Лыка и Ариса. О ставанахъ мы уже говорили, равно

---

[1]) Ипат., 49, 370, 442, 463.
[2]) Константинъ Багр., 77.
[3]) См. выше, Крживицкій, отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Импер. Арх. Ком. 1908 г.
[4]) Интересно выяснить связь между словами пиль, Пелагонія (въ Македоніи) и пеласгами въ географіи Страбона, стр. 333.
[5]) Латышевъ, II, 346.
[6]) Іорданъ, 60.
[7]) Хвольсонъ, 34 и 147, см. здѣсь объясненіе Вабія, какъ Даніи, и какъ прилагательнаго „нездоровый“, т. е. нездоровый, низменный островъ.
[8]) Polska w roku 1771. Jan Babirecki.

и объ игилліонахъ. Этимъ Птолемей какъ-бы опредѣляетъ маршрутъ отъ Вислы, на Лыкъ, Гродно на Пинскъ. Посмотримъ теперь другой его маршрутъ отъ Карпатъ къ Балтійскому морю. Этотъ торговый путь какъ-бы отграничиваетъ съ запада разсматриваемую нами Европейскую Сарматію.

Карпаты, по Птолемею, опредѣляются сравнительно легко, ибо для ихъ опредѣленія имѣются два астрономическихъ пункта, одинъ данъ Птолемеемъ прямо, это западная ихъ оконечность, другой получается изъ указанія истока Тираса или Днѣстра. Всего длина Карпатскаго хребта выходитъ по Птолемею 3 градуса по параллели, что и указываетъ на участокъ нынѣшнихъ Карпатъ отъ р. Черемоша до Русскаго пути, т. е. почти до начала Бескидъ и до истоковъ Тиссы и Сана; это согласуется и съ картою Латышева. Далѣе къ западу продолженіе Карпатъ, у Птолемея, по нашему мнѣнію, замѣщается названіемъ народа или скорѣе области, понимая здѣсь и горную площадь: „біессы“ или бессы, т. е. нынѣшніе Бескиды. Отъ бессовъ Птолемей направляетъ маршрутъ къ устью Вислы черезъ земли піенгитовъ, сабоковъ, арсіетовъ, бургіоновъ, анартофрактовъ, омброновъ, авариновъ или абариновъ, фругундіоновъ, сулоновъ или булановъ, финновъ, гитоновъ. Чтобы пояснить, въ предѣлахъ нашей задачи, эти народности, отмѣтимъ вкратцѣ тотъ торговый путь, которымъ Браунъ[1]) такъ искусстно пробирается отъ Калиша къ Данцигу, пользуясь дачными Птолемея: черезъ Калисію или Калишъ, Сетидаву или Коло (мы предложили бы Сецице, Сетицѣ, почти на половинѣ пути отъ Калиша въ Конинъ), Аскаукалисъ или Скульскъ, Скургонъ или Корсинъ или Крушинъ (мы предложили бы Экартс-фельде къ ю. в. отъ Эксина) и въ Данцигъ. По Птолемею Калишъ поставленъ всего въ полградусѣ параллели отъ р. Вислы, между тѣмъ въ дѣйствительности онъ въ такомъ разстояніи отъ Варты, поэтому казалось бы можно полагать, что Птолемей ошибочно считаетъ Варту и линію озеръ, въ томъ числѣ Гопло, до Бромберга, за водный путь Вислы. Это обстоятельство кажется и заставляетъ его подраздѣлить перечень народностей какъ бы на два маршрута, а именно: въ первомъ, мы сочтемъ за восточный, онъ называетъ *гитоновъ, финновъ, сулоновъ, фругундіоновъ, абариновъ;* во второмъ, западномъ, *омброновъ, анартофрактовъ, бургіоновъ, арситовъ, сабоковъ, піенгитовъ* и *бессовъ.* Между ними онъ какъ бы предполагаетъ препятствіе, рѣку Вислу, тѣмъ болѣе, что точное обозначеніе ея онъ оканчиваетъ около Калиша. Восточный маршрутъ проходитъ черезъ области Гуттшадтъ, Финкенштейнъ, лѣсъ на озерѣ Гсзерихъ, Солдаву-Сулоны, къ устью р. Вкры-фругундіоны, вкругундіоны, около Модлина или Новогеоргіевска, на р. Вепржъ, на которой можно видѣть абариновъ въ Барановѣ или въ Бобровникахъ, эти пункты очень стары, упоминаются въ походахъ 1656 г.

Если мы въ сабокахъ допустимъ сан-боковъ, то маршрутъ этотъ будетъ завершенъ. Западный пріурочивается линіи рѣки Вислы: омброны-Добржинъ, тутъ же четыре Домба и Дембняки, анартофракты-Наревъ и Вкра, ихъ сліяніе, бургіоны-вургіоны-Варка на Пилицѣ, арсіеты, арситы-Оршава, Аршава, Варшава; піенгиты, Піенины, къ с. отъ Спижа, въ верховьяхъ Дунайца, притокъ Вислы.

---

[1]) Браунъ, 335.

Птолемей помѣщаетъ Венедскія горы, подъ 47°30' долг. и 55° шир., а устье Вислы подъ 45° долг. и 56° шир. Венедовъ располагаетъ по всему Венедскому заливу и считаетъ ихъ очень многочисленнымъ племенемъ. Изъ этого можно заключить, что центръ Венедскихъ горъ Птолемей видѣлъ около озера Шпирдингъ, и Сувалокъ, въ чемъ и не ошибается, ибо здѣсь наивысшія точки этихъ горъ. Подъ Венедскими горами онъ понималъ лѣсистый, озерный водораздѣлъ между Балтійскимъ моремъ и притоками Вислы, Буга и Нарева.

У насъ остались пока еще необъясненными карбоны, кареоты и салы. Рѣшеніе этого вопроса представляетъ нѣкоторыя трудности. Допустивъ, что подъ карбонами надо понимать куроновъ и подъ салами—населеніе раіона озера Лубань и Рѣжицы, гдѣ нѣсколько названій Сола, Сала, Саленокъ, Сакъ, Сола, Саленикъ, Селтинъ, въ кареотахъ можно видѣть или кривичей, кревы, или же корелу, какъ въ „карисъ" Іордана, о чемъ мы говорили выше. Мы думаемъ, что вѣрнѣе предположеніе, что у Птолемея кареоты—это кривичи, а у Іордана карисъ—это Корела. Подъ Салами можно понимать и Освею съ р. Сволкой. Всѣ эти предположенія показываютъ на торговый путь отъ Двинска, собственно отъ Ново-Александровска, гдѣ нами установлены оссіи, на Рѣжицу, гдѣ салы, или на Полоцкъ, гдѣ, по лѣтописи, „и въ Полотьскѣ кривичи", „первіи населницы", „и по тѣмь городомъ суть находницѣ варязи"; далѣе на Освею, гдѣ можетъ быть салы, и далѣе на Себежъ, Новоржевъ, гдѣ „аорсы" начинаютъ маршрутъ на пажиритовъ, сѣверу, порусовъ до озера Ильменя. Къ с. в. отъ Себежа, на берегу р. Великой въ имѣніи Степеницы Прихоцкой волости (Прихабы) въ 1907 г. найдена въ землѣ монета Траяна, что одно указываетъ на торговый путь и на приходъ населенія изъ Дакіи, о чемъ, а именно о Полоцкѣ и Себежѣ, мы говоримъ подробно въ главѣ XII.

Приводимъ повѣствованіе Ибнъ-Даста о руси.

„Что касается до руси, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ. Окружность этого острова, на которомъ живутъ они, равняется тремъ днямъ пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ (Вабіа) и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она трясется, по причинѣ (рыхлости отъ) обилія въ ней воды.

Русь имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-русь[1]). Они производятъ набѣги на славянъ; подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ[2]) и къ Болгарамъ и продаютъ тамъ. Пашень русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ.

Когда у кого изъ руси родится сынъ, отецъ (новорожденнаго) беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его передъ дитятею и говоритъ: „Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества: будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ".

Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои.

---

[1]) Хвольсонъ, 150; въ Словѣ о полку Игоревѣ „коганя".
[2]) Вѣроятно къ хозарамъ, см. Хвольсонъ 152.

Любятъ опрятность въ одеждѣ; даже мужчины носятъ золотые браслеты. Съ рабами обращаются хорошо. Объ одеждѣ своей заботятся, потому что занимаются торговлею. Городовъ у нихъ большое число, и живутъ въ довольствѣ.

Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его.

Мечи у нихъ Соломоновы. Когда проситъ о помощи который либо изъ ихъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльныя отряды, а борются со врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его.

Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среды ихъ, врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужь когда прикажетъ врачъ, не исполнить приказанія его нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, вѣшаетъ жертву на бревно и ждетъ, пока она не задохнется. Тогда говоритъ: „Вотъ это-жертва Богу“.

Русь мужественны и храбры. Когда они нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего. Женщинами побѣжденныхъ сами пользуются, а мужчинъ обращаютъ въ рабство. Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ. Но смѣлости этой на конѣ не обнаруживаютъ: всѣ свои набѣги и походы производятъ они на корабляхъ.

Шалвары носятъ они широкія: сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая такія шаровары, собираютъ они ихъ въ сборки у колѣнъ, къ которымъ затѣмъ и привязываютъ.

Никто изъ нихъ не испражняется наединѣ: трое изъ товарищей сопровождаютъ его непремѣнно и оберегаютъ. Всѣ постоянно носятъ при себѣ мечи, потому что мало довѣряютъ они другъ другу, и что коварство между ними дѣло обыкновенное: если кому удается пріобрѣсть хотя малое имущество, то ужь родной братъ или товарищъ тотчасъ же начинаютъ завидовать и домогаться, какъ бы убить его и ограбить.

Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ туже могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣст-

ныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи."

Этимъ заканчивается разсказъ Ибнъ-Даста о руси.

Выше мы говорили о Бавнонской Скифіи, сейчасъ сказали о руси. Невольно возникаетъ мысль не сюда-ли относится указаніе Геродота, что часть царственныхъ скифовъ паралатовъ, и именно изъ мѣстности Герръ, будущей земли роксоланъ, переселилась на сѣверъ къ ипербореямъ. Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ главахъ VIII и IX, когда будемъ разсматривать роксаланскую и алазонскую земли.

Конецъ 1-го выпуска.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени тов. Ворошилова
Инв. 16355

КАРТА

СКАНДЗЫ—ЖОМОЙТИ—БАВНОНСКОЙ—СКИФІИ

Составлена по картѣ генерала Тилло и по Птолемею. (къ главѣ VI)

Печатать разрѣшается 11 октября 1909 г. Генералъ Маіоръ Борисовъ.

Ковна типо-литографія п. ф. „Липшицъ“

MNP - M322

ACADEMIA DE LA HISTORIA
CIRCULACION

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Птолемей объ Европейской и Азіятской Сарматіяхъ . . *Стр. 1.*

„ II. Македонская земля или Амадока (амадоки и гевины) . . „ *6*

„ III. Кіевская и Черниговская стороны (хуны и водины) . . „ *18*

„ IV. Македонская колонизація въ направленіи отъ Новгорода-Волынска на Минскъ и Гродно (ставаны, игилліоны, костобоки) . . . . . „ *25.*

„ V. Новгородская Ладога-Македонская Лягадина . . . . . „ *32.*

„ VI. Островъ Скандза—древняя Жомойтская земля (Росейны-Россіены)—Бавнонская Скифія . . . . . „ *39.*

Съ тремя рисунками въ текстѣ и одною картою—Скандзы—Жамойты—Бавнонской Скифіи.

В. Борисова.

„Древне русскія военныя повѣстія“ (сборникъ статей по древней русской военной исторіи). Вып. I. Спб. 1908.

Цѣна 1 рубль.

„Работа Большого Генеральнаго Штаба“. Вып. I. Спб. 1908.

Цѣна 75 копѣекъ.

Складъ изданія — Комната при Штабѣ 28 п. Дивизіи. ПЕТЕРБУРГ, УЛИЦА ГОГОЛЯ 6, кв. 10.

ПРОЧЕТЕНА

ЗW

4р

М2 Б82
К
Вып 1